

51°23'22" с. ш. 30°05'5" в. д. Н Г Я О

...ИМЯ СЕЙ ЗВЕЗДЕ

ЧЕРН БЫЛЬ

**АЛЕСЬ
АДАМОВИЧ**

К 35-ЛЕТИЮ
КАТАСТРОФЫ
НА ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ
АЭС

Алесь Адамович

**...Имя сей звезде Чернобыль.
К 35-летию катастрофы
на Чернобыльской АЭС**

«Издательство АСТ»

2006

УДК 821.161.1-94(476)

ББК 84(4Беи)-44

Адамович А. М.

...Имя сей звезде Чернобыль. К 35-летию катастрофы на Чернобыльской АЭС / А. М. Адамович — «Издательство АСТ», 2006

ISBN 978-5-17-135839-6

«На фоне черно-дымящего реактора, город с его домами, детскими площадками, парками, улицами, рекой, людьми, все еще не понявшими до конца, что произошло и как переломилась их жизнь.» Впервые в России выходит сборник произведений А. Адамовича об осмыслении, понимании того трагического опыта, который не одно поколение испытало на себе. Когда все сделалось опасным для жизни, сама земля, которая прежде жизнь воспроизводила. Издание подготовлено к годовщине трагедии: 35 лет аварии на Чернобыльской АЭС. В сборник вошли письма, статьи, выступления, интервью, повесть и сценарий. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 821.161.1-94(476)

ББК 84(4Беи)-44

ISBN 978-5-17-135839-6

© Адамович А. М., 2006

© Издательство АСТ, 2006

Содержание

От составителя	6
Письмо от В. Быкова А. Адамовичу	7
Письмо В. В. Быкову	8
Письмо И. А. Дедкову[5]	9
Из записных книжек	11
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Алесь Адамович

...Имя сей звезде Чернобыль. К 35-летию катастрофы на Чернобыльской АЭС

Алесь Адамович, замечательный белорусский писатель и публицист, одним из первых в мире реально осознал и оценил масштабы крупнейшей техногенной катастрофы XX века, ее последствия для судеб и его родной земли, и нашей такой небольшой планеты.

Чернобыльская беда, обрушившаяся на Беларусь, а именно она пострадала от случившейся аварии более всего, – это личная трагедия писателя, боль, пропущенная через его сердце.

К сожалению, опасность развязывания атомной войны, которая в 80-е гг. также очень тревожила писателя, и сегодня еще не снята с повестки дня, ядерное оружие расплзается по планете.

Вот почему сборник произведений Алеся Адамовича, и художественных, и публицистических, в которых затрагивается тема Чернобыля, тема взаимоотношений человека и Атома, человека и Бомбы, так актуален и сегодня.

Я рад, что эта книга увидела свет, причем в год 20-летия Чернобыльской аварии и накануне 20-летия Форума «За безъядерный мир, за выживание человечества».

Она написана болью души.

*Академик Е. П. Велихов
2006 г.*

От составителя

«Так получилось, что как раз в ночь с 25 на 26 апреля я летел лечиться на Кавказ, а на земле в это время все как раз совершалось. Первая информация по телевидению об аварии в каком-то Чернобыле прозвучала невнятно, но тревога кольнула: в 1986 г. мы все еще жили с привычкой, что о таких вещах не сообщают, но уж если сообщили... Вдали от родины тревога о том, что дома происходит, всегда острее. Поэтому, когда вернулся в Минск, оказался, может быть, самым восприимчивым к чернобыльской информации».

Благодаря встречам, беседам с учеными, специалистами к А. Адамовичу пришло осознание, что на самом деле происходит на родной земле. Так рождалось его отчаянное письмо к власти, а именно к М. С. Горбачеву.

Атомное оружие, атомная энергетика не были для А. Адамовича *terra incognita*. Он отлично понимал, чем это грозит человечеству в случае войны или аварии, о чем свидетельствуют его дневниковые записи и другие работы (еще до Чернобыля). Он много об этом думал, читал, писал.

А мысль, что с появлением атомной бомбы «человечество стало смертным в двадцатом веке», – важнейшая в его творчестве в 80-е годы. В 1983 году он очень внимательно читает книгу американского публициста Джонатана Шелла «Судьба Земли» (1982), с великим трудом попавшую в его руки, в которой подробно говорилось о последствиях атомных взрывов, о страшном влиянии радиации на природу и человека.

Он пытался до конца понять, что такое атомная бомба и что она несет человечеству.

Когда случился Чернобыль, он уже мог представить его реальные масштабы: ведь из 350 условных хиросимских бомб 300 упали на Беларусь.

В статье «Чернобыль и власть» А. Адамович подробно рассказал об истории писем М. С. Горбачеву, о встрече с первым секретарем ЦК КПБ Н. Слюньковым.

Его потрясла бездумная журналистская фраза: «Ветер, к счастью, дул не на Киев...»

Эта фраза неоднократно прозвучит в его статьях и выступлениях, камнем ляжет на его сердце.

Собственно литературное творчество отодвинуто в сторону. Митинги, «Чернобыльськія шляхі», выступления в Беларуси и за рубежом, и публицистика, как говорят, блестящая.

Он приходит к выводу, что Чернобыль – крупнейшая из глобальных катастроф XX века.

Через пять лет он писал, что «это – надолго. Чернобыль не позади, он впереди, на много десятилетий и даже столетий».

Он считал, что «спасение – в альтернативной, не отравляющей и не разрушающей природную среду энергетике».

В последние два года (после инфаркта) он вернулся к художественному творчеству. Публикует в журналах повести: «Венера, или Как я был крепостником», «Немой», «Vixi». Умер от второго инфаркта 26 января 1994 года.

Письмо от В. Быкова А. Адамовичу

Саша, дорогой дружище!

Только что у нас была Вера, угостила куличом и яйцами (к Пасхе), Ирина проводила ее, а я сел за это письмо. Мы тут, шутя, сочиняли тебе телеграмму в том смысле, чтобы ты берег себя, т/ак/ к/ак/ вполне возможно, что представляешь теперь единственный экз/емпляр/ генофонда нации, который понадобится вскоре на родине. В общем, сейчас обстановка, кажется, нормализовалась (или около того), но дело в том, что в первые дни, которые выпали на выходные, никто радиоактивность не измерял, а именно тогда через всю Белоруссию на север прошел радиоактивный шлейф, в котором была наибольшая концентрация. Еще и в понедельник приборы оказались зашкаленными от 20–30-кратного превышения нормы. Два южных района Гомельщины эвакуируются.

Вот такие наши дела. Многие весьма огорчены, другие же не обращают внимания – пьют и гуляют, как и всегда на праздник. ...

Погода у нас переменилась, стало холодно, хотя сухо (а надобен дождь, чтобы смыть всю эту пыльно-радиоактивную гадость). Очень не весело вообще...

...Саша, ты за нас не тревожься: мы во власти божией – иначе не скажешь. Пьем йод (4 капли на полстакана молока) и каберне, говорят, выводит. Но, говорят, водка выводит лучше, если бы она была. Водки нет! Даже на праздник...

Очень желаем тебе хорошей погоды и безоблачного настроения.

И – приезжай бодрым и здоровым.

Обнимаем.

*Твой Василь и Ирина.
03 мая 1986 г. [Минск]*

Письмо В. В. Быкову

Дорогие пострадавшие – Василек, Ирина¹ и весь народ, теперь уже дважды хатынский! Или так: хатынский и плюс хиросимский. Одно кличет другое, так уж на небесах записано, что ли.

Шлю молитвы за вас всех, над кем прополз шлейф нашей высокочтимой науки, с отвращением вспоминается телефизиономия главного по этим делам академика (полгода назад вещал из телящика) – конечно же, всякие там опасения за «мирный атом», это у них там, а мы оптимисты и начхать. Рядом с бюрократам казенный оптимист – главный наш могильщик. Благодаря «патриотическому оптимизму» мы войну встретили в подштанниках. А теперь вот – Чернобыль. Интересно, будем достраивать свой – в 30 км от Минска? Или все-таки спохватимся? Хотя бы такой ценой.

А я, как нарочно, уехал от всех вас. И от Наташи с Верой². Что-то вроде дезертира. Не «генофонд», а дезертир!

Нет, мир спятил! Те вон руки от злорадства потирают, а мы рассказываем, как здорово показали себя пожарники и милиционеры. Можно представить (легко это сделать) как **60 раз** уничтоженная жизнь будет тенью, пеплом удаляться от планеты Земля, а звучать будут все те же тени-голоса: «Здорово мы их, растяп!», «Нет, как здорово пожарники!»...

Я должен ехать к ученым, в Москву. Интересно бы спросить высоколобых: отвечает или не отвечает ученый-физик, химик и т. п., если его опасную штучку доводит, реализует безответственно-пьяный (или с похмелья) «дядя Вася»? (Мелиораторов уже об этом спросили – машут руками, а мы причем, если наше добро обращают во зло на последнем прогоне!) Думаю, что они в ответе. Думай про всю цепочку, а если ненадежная, тогда подумай еще раз!

А ты говоришь, водки нема! Да я бы отдал нас всех на годик-два в руки Карпюка³ и Дудочкина⁴, они бы **осушили** – да здравствует вот такая мелиорация!

Значит, не хотите сюда? Отпусти тогда Ирину с Верой и Наташей, раз сам к Тэтчер рвешься. Пусть погуляют, пока можно, пока здесь чисто. Покажу Кавказ, хотя бы с севера.

Обнимаю и желаю, чтобы все это – на сухой лес!

Ваш Адамович.

7.5.86 [г. Железноводск]

---

¹ Ирина Михайловна – жена В. В. Быкова.

² Дочь и жена А. М. Адамовича.

³ Карпюк Алексей Никифорович – белорусский писатель.

⁴ Дудочкин Петр Петрович – русский писатель. Оба писателя – противники алкоголя.

Письмо И. А. Дедкову⁵

Дорогой Игорь Александрович!

Сегодня вернулся из Железноводска на свою, теперь уже дважды многострадальную, землю. Вы там даже не представляете, что это и как, и чем обернется в будущем. Этот самый, будь он проклят, мирный атом оказался с лицом, да нет, харей того же кровожадного Марса и хотя ногами стоял на земле украинской, но к ней спиной, а к нам харей развернулся – по ветру. Ну и...

Могу лишь сказать, что той умиротворяющей земли, края, который Вам знаком, уже нет, и будет ли, – не знаю. И мы – не те.

Вмиг все изменилось.

Спрашиваете еще и о нашем съезде. Мура все это.

Я выступал о герое нашего времени – о бюрократе. Не знал только, что дела его еще и радиоактивностью грозят.

Привет Вам, жму руку! А костромчанам – восточного ветра!

А. Адамович.

22.05.86

[г. Минск]

---

⁵ Дедков Игорь Александрович – русский критик, жил в Костроме, последние годы – в Москве.

4325 / - 1 -
Глубокоуважаемый Михаил
Сергеевич!

Атомурата, не обходясь то,
тоо Вы здесь урагете, засади
за счет висагенерной франгази
Аннеси Адамовича. Я пишу
то, тоо знает и думает ^{многие} ~~тоо~~
~~крупнейшие~~ ~~французские~~ ~~и~~ ~~некоторые~~
~~уремки~~ ~~и~~ ~~стальные~~ ~~картинные~~
работники, у ~~нас~~ ^{нас} ~~есть~~ ~~лишь~~ ~~и~~
~~тоо~~ ~~самые~~ ~~обеспечивающие~~
разговоры обурденные тоо
уроблет. Но ~~тоо~~ ^{среди тоо} ~~Сизами~~
табелем о франгах, а висагенерно
тоо ураде тоо не обязованно.

И я пишу виссаказкой, но
забавясь в ~~тоо~~ ~~тоо~~ ~~тоо~~
~~удовольствия~~ ~~но~~ ~~следствиях~~
но службе! Но тооому
пишу Вам я.

Письмо М. С. Горбачеву. 1 июня 1986 г.

Из записных книжек (май 1986–1992 гг.)

1986

май

Два выступл/ения/ по поводу Ч/ернобыльской/ катастрофы:

– На съезде в июне.

– На конфер/енции/ ученых в защиту мира.

1. Из облака, зловеще проплывшего над севером Укр/аины/ и югом Бел/оруссии/, выглянул лик, отнюдь не святой. Сталина. А этот-то причем? Очень даже причем.

Как в 41-м – уже война гремит, а те, кому положено принимать решения, загнув голову, пытаются услышать его распоряжение: считать или не считать это войной?.. Узнали, что взорвалась [АЭС], что пошла на Бел/оруссию/, на многострадальную снова, Н/естеренко/⁶ бегаёт, всем сообщает: идет! идет! надо объявить, предупредить население! (то же, очевидно, и в Киеве происходит), но у сформированных им чиновников одна мысль: а что потом нам скажут! Сдыхайте, но себя соблюдаем! Сдыхайте, но политика прежде всего! Те 18-летние девочки, что сейчас в минской больнице – с Гомельщины, не получили бы 1000 рентген, потому что не стояли бы на окнах, не мыли бы их, а захлопнули бы. И сколько таких? Не знаем, время проявит и страшно думать.

Можно представить, что речь шла бы и о ядер/ной/ войне, а они бы все прикидывали: а не пострадает ли политика? Погибнет все, зато политику соблюдаем!

Гласность! Вот и проявилось, в экстремальных условиях, насколько все это болтовня. Также и «новое мышление». Да какое новое, хотя бы просто элементарно человеческое.

Нет, в бюрократической машине заложено это – абсолютная расчеловеченность.

Из всего можно извлечь уроки. Невозможно только из ядер/ной/ всеобщей войны – некому. А так возможно – из Чернобыля тоже.

О воен/ном/ атоме из трагедии мирного. Но о мирном мало гов/орят/, а надо бы. Ведь это – сродни малой Хиросиме – в принципе.

Почему-то оцен/ивается/ случивш/еся/ как стихийное бедствие. А ведь за этим чей-то проект, монтаж/ные/ раб/оты/, эксплуатация.

Меня все мучит вопрос: кто кликнул: «Дадим досрочно»? Где он, чем сегодня руководит?

Это досрочно-то притом, что работник наш и без того исхалтурился. Так ему еще алиби! Как тому В. В. Прохорову – старший инженер проекта, будем помнить своих героев – к/отор/ый проектир/овал/ молдавский канал под соленый раствор. Мол, зато не за 5, а за 3 года! Так и объясняет «Комсомолка»!

...Так давайте народу этих ядер/ных/ прохоровых, почему мы их щадим, тех, из-за кого погибли героич/еские/ реб/ята/ – пожар/ные/ и женщины делают «выброс» – до 5 месяцев. Сегодня, а тем более приехав из Белоруссии, не могу, не имею права не гов/орить/ о Чернобыле. Два аспекта: внешний, внутренний.

---

⁶ Нестеренко Василий Борисович – белорусский ученый в области ядерной энергетики и радиоактивной безопасности, с 1977 г. – директор ин-та ядерной энергетики АН БССР, с 1987 г. – зав. лабораторией этого инта. С 1990 г. – директор института «БелРад».

2. Вот и проявилось в полную силу, потому что в экстремальных условиях, то, против чего нужна «настоящая революция», как в начале назвал это М. С. Горбачев, а вместо чего пока – словесные упражнения, уговоры, бюрократию увещеваем не быть бюрократией.

Чернобыль высветил всю картину того, что названо «застоем», но что можно назвать и «закостенением», и «развалом» (и то и др. – хотя вроде о разном состоянии эти слова).

Урок Чернобыля: «Нужны самые строгие требования везде и во всем... вопросы дисциплины порядка, организованности приобретают первостепенное значение» (М. Горбачев).

Два аспекта «уроков» – внешний (угроза атома) и внутренний – угроза со стороны бардака: конструкторского (проектного), технического и эксплуатационного.

Будет установлено, кто и что повинно больше.

Допустим, проект окажется идеальным, значит, вина снимается с ученых? Если виноваты послед/ние/ звенья цепочки?

Нет и нет! Как не снимается с мелиораторов за засоление черноземов по причине, что воду поставляют в руки небрежные, безразличные, «колхозные» (в самом плохом смысле этого слова). Ну а что дожидаться, когда остальная «цепочка» отладится? А до того – нет? Да, так и только так! Если сомневаетесь, вообразите полож/ение/ и судьбу тысяч и тысяч людей в Бел/оруссии/ и на Укр/аине/, к/отор/ых накрыло «облако». И кто имел право сделать воздух, воду, саму землю неуютной для целых народов. А ведь это так! Езжайте на Гомельщину и поживите там – почувствуете сразу.

Один из участн/иков/ первого испыт/ания/ ядерного устройства, увидев гриб, сказал:

– Теперь все мы – негодяи!

Думаю, что и проектировщики, и строители, и эксплуатационники (и те, кто торопил их всех, чтобы отрапортовать досрочно – помним фанфары, когда принимали «досрочный» объект) – все, если бы они умели быть честными, повторили бы эти слова.

И вот еще это, м.б., главное: не следует ли вернуться нашим специалистам к вопросу, дискуссии, к/отор/ая была свернута в свое время явно волевым, бюрократическим нажимом: следует ли строить такие станции близ больших городов. Например, в 30 км от Минска (заметьте и цифра-то, цифра, которая столько раз повторяется в связи с Чернобылем – 30 км зона!) Что достигается, экономится? Да один такой Чернобыль вблизи Москвы, Лен/ингра/да, Киева, Минска – страшно и вообразить – вот тут уже наэкономим!

Чтобы мы теперь ни писали, ни провозглашали – святая (а точнее, слепая) вера в надежность таких станций подорвана не менее, чем на поколение-два. И кто имеет право создавать психол/огическое/ напряжение огром/ному/ городу таким соседством?

И снова спросим себя: есть ли хоть один серьезный ученый: к/отор/ый скажет, что 100 %-я безопасность возможна в ближайшие 50 лет? Вряд ли. Так как же можно?

К вопросу этому надо возвращаться заново. Если уж гласность, то в этом должна быть предельная. Несмотря на то, что именно – в ядер/ных/ делах – особенно уютно поселяется бюрократическая триада: тайна, чудо, авторитет.

Преуменьшая размеры беды, мы лишаем сочувствия тех, кто пострадал во многих р/айон/ах. Настоящего, народного. Казенное не в счет.

13–15 мая 86 г.

Боюсь, что и энтузиазм строит/ельства/ как можно большего количества станций в районах как можно больше населенных – приходит (или придет) время повторить эти честные слова. [Теперь все мы – негодяи!]

Если не перестанут люди множить их, а бросят все усилия на то, чтобы добиться 100 %-й безопасности. Не 90, не 99 и 9 десятых, а именно 100.

Народ наш мужественно встретил общую /беду/, а для Ук-р/аины/ и Бел/оруссии/ – особенно грозную и не кратковременную (вы-то не журналисты, знаете). Но не будем обманывать

себя и считать, что так было бы и второй, и в третий раз. Есть всему пределы. И если наш современник/, просвещенный, начал бы отлавливать, нас, ученых, как в Средние/ века врачей – поделом! Если позволим случиться этому хотя бы еще раз. И тем более, что настроили (и строим – возле самого Минска) рядом с огромным городом.

А ведь академик/ Капица⁷, да и не один он, – предупреждал.

Глаза у людей в 3–5 районах, непосредственно испытывавших поражение/ действие радиации – напоминают то, что помним с войны. Особенно дети. Беженство, эвакуация – прямо в масштабах, задевающих всю нацию. Беда исторического масштаба.

Вы представляете, как читать нам в печати – там, в Белоруссии/. Строительство/ станций (такого типа) будет продолжаться неотступно – посчитали нужным заявить некоторым/ ариши/, тут же. Что это, как не бюрократическое/ «наплевать», – на что? На трагедию двух народов. С холодным обещанием таких же вероятностей другим нашим республикам. А м.б., и там же – вон в 40 км от Минска заложен свой Чернобыль.

Не с этого надо бы, а с заботы о том, чтобы переоценить все и пересмотреть.

И, м.б., вспомнить, что писал и говорил/ об этих вещах академик/ Капица – и не он один.

Что получается, когда одна часть науки, ученых, опираясь на бюрократию, получает право не логикой, убежденностью, знаниями своего добиться, а лишь потому, что обслуживает ведомственные интересы ведомств.

То, что у мелиораторов – засоление земель и т. д.

У «мирного атома» – строительство/ станций в самых населенных районах страны, на великих/ реках, одним словом – Чернобыль.

Почему я говорю/ об этом?

Мы уже несколько раз читали: [атомная] программа будет неизменной!

Неужто? Неужто то, что произошло – а что, приезжайте в Белоруссию/, если осмелитесь, в южные/ районы, и посмотрите/ в глаза тем, кто еще не уехал...

Мужество, да. Но как мы себе представим/ еще один такой случай и реакцию народа (да, всего народа) на это.

Из всего можно извлечь уроки. Невозможно только из ядерной войны. А из Чернобыля еще можно.

Эта невидимая радиация, которая проникает в тебя, ты знаешь, в этот миг, в каждый миг, она меняет все: ты вроде как бы другой кто-то, а все вокруг – тоже чужое – незнакомое. Кто-то другой на другой планете.

25.05.86

Минск

Перед учеными-физиками и пр. – Велиховское⁸ собрание в защиту мира, 27.05.86

Здесь собрались ученые, а некоторые, как Е.П. /Велихов/, только что из Чернобыля, и не вам рассказывать, что это такое: все первые 10, а то и больше дней ветер безжалостно тянул в сторону Белоруссии – через три из пяти ее областей. Как написал один из корреспондентов/: «К счастью, ветер дул не на Киев!»

---

⁷ Капица Петр Леонидович – физик, академик АН СССР, директор института физических проблем им. С. П. Вавилова АН СССР.

⁸ Велихов Евгений Павлович – физик, академик, зам. директора ИАЭ им. И. В. Курчатова, вице-президент АН СССР. С 1992 г. – Президент Российского научного центра «Курчатовский институт».

И если в голосе моем услышите, уловите, обнаружите несколько лишних миллирентген – не обессудьте.

Монополия на истину в науке всегда была опасна для самой науки. Но лысенковщина показала, продемонстрировала, сколь в наших условиях она, такая монополия, опасна для всего народного хозяйства и для самой жизни народа, страны.

Если нужны еще примеры: мелиорация, Гидропроект: каких они дров наломали, надолго заткнув рот оппонентам с помощью ведомственных бюрократов – все это на слуху у вас.

Дошла очередь и до вас, физиков, – оглянуться на себя, оглядеть свое хозяйство с этой стороны. Не вам объяснять, что Чернобыль – прямой результат монополии на истину и, главное, принятие решений тех ученых, которые отстаивали и отстаивают точку зрения допустимости сооружения АЭС в густонаселенных районах, на центральных реках. Мы все хорошо помним, что были и противоположные точки зрения, аргументы, позиции. И среди них – голос академика Петра Капицы.

И не в том дело даже, что одна из точек зрения тогда победила: так всегда бывает, когда приходится принимать практические решения, а в том беда, что оппонирующая точка зрения была заглушена быстро, намертво, полностью. Это, надо сказать, лучше и быстрее удалось, чем заглушить реактор в Чернобыле. А ведь она могла и должна была действовать, оппонировать точка зрения, позиция несогласных, понуждая практиков выбирать оптимальные варианты, не развращаясь монополярностью своей.

Когда бы не установилась монополия одних, те, другие, вовремя предупредили бы о недопустимости так проектировать, так строить, так обслуживать АЭС.

Ну, так, м.б., хоть сейчас мы их услышим. Почему-то не слышно их в прессе. Услышим, и голоса их не будут больше заглушены.

Мы говорим о мужестве наших людей: и тех, кто на дот грудью, идут на проклятый этот реактор, и жителей украинских и белорусских сел и городов.

Но неужели у кого-нибудь достанет, простите, просто-таки смелости еще раз подвергнуть народ наш, его долготерпение такому вот испытанию?

При повышенной радиации текут непроизвольно слезы: вы не видели вот так плачущих маленьких детей? Мы уже видели.

Да, Чернобыль заставляет думать, говорить о том, что принесла бы война, где уже не мирный атом вырвался бы из-под контроля.

Об этом мы читаем в газетах и сами думаем об этом. Только из ядер/ной/ войны нельзя будет извлечь уроков. А из Черн/обыля/ – можно.

Белорусы перескромничали, когда гов/орили/: ничего, задело!

То, что произошло, происходит, все более сопоставимо с бедствием минувшей войны.

Не верьте нам!

Скромность белорусов повернулась против них. Не верьте, ради Бога, что нормально. Нужна помощь, почти как в 1944 г.

Но знаете, о чем говорят на земле белорусской, где война особенно памятна народу? О 22 июня 1941 г. Снова внезапность и неготовность и служб, и психологическая – многих и многих, от кого ждали как раз, что они-то знают, что и к чему.

И снова: смотрение в рот начальству и местному, и в центрах, и холуйское желание не портить настроение начальству, подавать информацию приятную и по-голиковски⁹ прятать менее приятную.

А между тем, что может быть неприятнее, чем это – ассоциация в народе с 22 июня 1941-го?

---

⁹ Голиков Ф. И. – начальник Главного разведывательного управления накануне Великой Отечественной войны.

Белорусы перескромничали, а вы нам и поверили. Ну, как же, не у нас, а в 5 км от нас. Но ветер, ветер... Он дул и дует.

Не верьте нам, нашей скромности. Белоруссия нуждается в помощи, почти как в 1944 г. К сожалению, это не преувеличение. Если открыть глаза.

Растения сейчас жирно, сыто-зеленые везде у нас – как те березы на Пискаревском кладбище¹⁰. Что выросли из **смерти**.

25.05.86

Хатынь притягивает Хиросиму.

Известно, что при рождении ядерной энергии – если иметь в виду бомбу – оказался такой акушер, как фашизм. Он спровоцировал великих физиков на эту работу. Велихов: тождество.

И там энергия эта родилась с печатью проклятия.

К ней бы надо относиться без того пиетета, который есть.

Министерские тузы не раз заявляли в эти черные для всех нас, и для Укр/аины/ и Бел/оруссии/ дни: будем строить, как строили, как было, так и будет.

А не должно бы: как было. В частности – не должна остаться монопольной одна т/очка/ зр/ения/ на эти вещи и в науке.

Если исключить саму станцию, то основ/ной/ ущерб распростр/анился/ на север, пора это осознать. И не ради того, чтобы пожалеть бел/орусов/ – им еще и это!..помочь им активнее. Да нет, у нас есть ресурсы и помогают нам, и дух/овные/ ресурсы есть у респ/ублики/-партиз/анки/. Я не хочу тут изображать/ погорельца с опаленными оглоблями.

Вопрос чисто практический: о необход/имости/ выселения новых р/айон/ов, а это сдержив/ается/, как и многое у нас: планом! Посев/ных/ работ. И хотя дядьки наши в пылище пахнут стронций, плутоний (в Брест/ской/ и Гомел/ьской/ обл.), но пахнут – план! Кому, кому это нужно? Разве что бюрократу, у кого бумаги и цифры плана?

Устроить двум республ/икам/ долговременную Хиросиму и делать вид, что это нечто так себе – ну, знаете!

Что произошло в Киеве. С одной стороны, не проинформировали Москву о взрыве и масштабах, а с др. – не принимали решений, ждали указаний, к/отор/ых не могло быть.

И поэтому все – с опозданием.

Мирный атом в каждый дом! – вот так.

Меняю квартиру в Киеве на комнату в любом городе мира. Не предлагать Хиросиму, Нагасаки, Минск!

Обращ/ение/-письмо М.С. Г/орбачеву/

Космонавт-ученый Феокт/истов/ еще до Ч/ернобыльской/ трагедии высчитал: один вскрытый реактор = 50 Хиросима (по зараж/енной/ местн/ости/).

За ветром.

«Ветер, к счастью – не на Киев».

На Гомель и Минск. А позже, после 1 мая – на Гомель, Мозырь, Жлобин, Слуцк, Пинск, Брест. Неизвестно, сколько «Хиросим», но ее радиоактив/ная/ тень легла на 2,5 обл/асти/ Белоруссии/, практически на пол-Бел/оруссии/.

---

¹⁰ Пискаревское кладбище – в годы Великой Отечественной войны место захоронения сотен тысяч блокадников и участников обороны, в Ленинграде.

Это сразу лишает возможности/ маневра внутри республики. Сколько могут принять северные/ районы? А речь идет о сотнях и сотнях тыс/яч/ хотя бы детей и молодых/ женщин, которым рожать.

Все внимание/ др. республик, приглашают к себе – нашим южным/ братьям. Про Белоруссию/ спрашивают/, если говоришь/: «А что, разве и у вас?» Но когда пытаются сами выехать: «Из Гомеля?!» Не берут.

Переселять из районов/ов более зараженных/ в менее, бессмысленно/. Тем более, что пораженность пятнами, точно пока не изучена, что безопасно, где – более, а где – менее.

Нужна общегосударственная/ помощь Белоруссии/ в этом отношении/.

Выселено 3 района/на целиком, а по подсчетам АН – еще 5, как минимум/, но это не решает проблем, нужно выселить хотя бы до зимы детей из 2,5 областей/.

И еще, в связи. В 30 км «зоне» от Минска – строят. Пафосно не один раз по телевидению/: будем! Монополия продолжается/, хотя Капица...предсказывали/ Чернобыль/. Он – не полная неожиданность/, он мог быть. И может/ еще быть. Ни страна, ни народ (материально/, биологически/, психологически/) не выдержат такое еще раз.

В Чернобыле/ взорвался весь тот бардак, который пытаемся ликвидировать/. Прошлое. Но если не будут названы причины, люди, виновные/ люди, несправедливо (уже) ложиться будет вина именно на тех, кто сегодня пытается и мыслить и делать по-новому. Дело не в отвлеченном/ копьящемся/ гневе, а в справедливом/ изучении/ и искоренении/ всего, что проявилось буквально – 22 июня 1941 г. Все параллельно. По реакции/ чинов: не дать информации/ наверх и ждать оттуда адекватных/ решений, а сами – ничего.

По отношению/ к населению/ безобразно ведут высшие медицинские чины, министры. Вместо того, чтобы и без того легкомысленный/ народ [информировать], заверяют, что пустяки. А ведь начнется осень, зелень, грибы.

Белоруссия/ нуждается/ в изменении/ планов посевов, поставок, иначе неизбежно/ ослабляется/ контроль/ за радиацией, болезнь работников, пашущих по стронцию, и производство/ зараженных/ продуктов/, молока, мяса.

Построить медицинский/ центр на границе/ Белоруссии/, Украины/ по изучению/ последствий долговременных – это касается судьбы десятков/ и сотен тысяч людей, если не больше.

Если всерьез – это национальная/ трагедия народа, по масштабам/ приближающаяся к тому, что белорусы пережили в 1941–44 гг.

Одежда – нет средств, чтобы сменить.

Не достает оборудования/ для контроля, подготовленного/ персонала. Даже АН не имеет для таких масштабов/.

Подключить/ АН СССР, Украины/ и Белоруссии/ и АН медицинских/ наук – состояние долговременное/, последствия/ и их устранение.

2 вопроса: Не должны люди жить там, где нельзя;

Проверка продуктов питания/, иначе будет заражена/ вся республика и за пределами.

До 5 мая не выселяли. Только 5-го – 3 района.

8 дней жили в радиации.

До 1 мая на Белоруссию/ дули ветры...

В Брагине вместо 3 [кюри] – 90 кюри, в 30–20 раз.

Правительственную/ комиссию по Белоруссии/ создать в СССР. Тщательно изучили бы и на научной/ основе принять решение о выселении.

На рынках нет дозиметрич/еской/ службы даже в Минске – Нестеренко спросить.
Детей из зоны – 150 км.
Не только на гаммафон, а на тяжелые изотопы.

Млн три, 1/3 населения облучена.
Гомел/ьская/ и Брест/ская/ обл/асти/ получили много.
За 200–300 км людей вывозить.
А дальше пойдет поражение продуктами и будут заражены все!

Радиация легла пятнами, «языками» далеко за 30 км зону. Людей (детей с родителями) приходится выселять. Но они не имеют права на получ/ение/ гарантир/ованной/ помощи (на одежду и т. д., в той же вынуждены). Следует в Бел/оруссии/ не меньше 150 км и дать право на обеспеч/ение/ тех, что из «языков».

Необх/одима/ квалифицированная/ помощь со стороны АН СССР, Акад/емии/ мед/ицинских/ наук для изуч/ения/ степени заражен/ия/ различ/ных/ р/айон/ов, помощь техн/иче/скими/ сред/ствами/, проверки продукт/ов/ питания, ибо при нынеш/нем/ положении это грозит облуч/ением/ (через продукты) всему насел/ению/ респ/ублики/ и за ее пределами.

Две глав/ные/ сейчас пробл/емы/: изучить, где нельзя жить и переселить людей.
Продукты, проверка.
Первая пробл/ема/ и ее сложности (30 км).
Вторая: недостаток техники и специалистов, а их треб/уется/ огром/ное/ множество.
Иначе к тем 3 млн добавятся новые сотни тыс/яч/ и, м.б., миллионы заболевших.

Приборное обеспечение и специалисты.
Продукты собст/венного/ произв/одства/ заражены.
Нужна система замены – сухое молоко.
Колодцы кол/хозные/ на закр/ытие/.
Средства на бурение.
Более строгий контроль за кач/еством/ продуктов.
Компенсация за изъятые продукты.

Точная система зараж/ения/, поиски пятен [на] плут/оний/, цезий, барий, стронций.

Надо уточ/ненная/ система мер изучения поголов/но/ всех с последующим контролем.

Быстрее закончить определ/ение/ пятен по Белоруссии.
Соц/иальный/ быт и жилье для тех, кто переселился... Помощь бензином, передвижками.
Ужесточить миним/альные/ дозы допустимые, к/отор/ые дал Минздрав.
Провести проверки на ниобий-95, цирконий, лантан, цезий и особ/енно/ на плутоний.

Специалисты – у скота признаки щитовидки.
Убивать – после отселения в чистые зоны. Предубойный контроль по железе.

Стремл/ение/ перекрыть урожай за счет сев/ерных/ р/айо- н/ов. Надо сократить поставки.
Минздрав запретил публ/икации/ по лучевой болезни...
Чернобыль – это долговременная Хиросима.

1986

июнь

Ув/ажаемый/ М/ихаил/ С/ергеевич/!

Белор/уссия/ переживает дни по трагизму, схожие с июнем 1941 г. И дело не просто в том, что род/ители/ и дети теряют друг друга, жертвы среди мирного насел/ения/ исчисляются многими нулями. (В больницах, а многие, к сожал/ению/, не в больницах еще, не охвачены.)

Но угроза соверш/енно/ катастрофич/еская/ грозит, через зараж/ение/ продукт/ов/ пита-ния (Бел/оруссии/ и близлеж/ащих/ районов), если не будут сделаны соверш/енно/ необх/оди-мые/ вещи. Речь идет о конкр/етных/ шагах.

Ладно, что не смогли, не поняли сразу, не были информированы/. Но сейчас есть еще возмож/ность/ локализовать бедствие (уже общенародное).

Комбикорма, чтобы не травить молоко. Дали, но мало. А надо для стойлового содержа-ния: 45 тыс. просили, дали 5+10 (плюс свои 13 тыс/яч/ тонн). Нужны по двум причинам: нужно на стойл/овое/ содер/жание/. Брагин, Хойники, Наровля. Не имеют ни капли дождя три месяца (самолеты разгоняют дождь).

Травы съели, а пойма затоплена.

Июнь – закрыто молоко.

(В сырах был йод, а в масле меньше). Цезий.

20 миллирентген – 5 тыс/яч/. Переходит в мертвую зону.

Почти всю 30 км зону.

Брагинский р/айон/, Хойникский – мертвая зона будет. (Не весь.)

Некуда масло девать. (Забирают Ср/едняя/ Азия.)

14 тыс/яч/ июнь/ьского/ мяса.

120 млн. /руб./, 4 тыс/ячи/ домов.

90 тыс/яч/ по детским домам (вне пределов республики).

Бел/орусы/ скромно молчат и делают огром/ную/ работу: Слюньков¹¹, Кузьмин¹² не вылез/ают/ с тех р/айон/ов, работники АН БССР.

Но не все в силах, слишком грозная опасность. Республика мала для такой огромной беды.

Сколько ребят за пределы республики: в пионер/ские/ лагеря, в труд/овые/ лагеря, бере-мен/ных/. За пределы БССР.

60 тыс/яч/ за пределы в три смены, пионер/ские/ лагеря, трудовые, отдыха.

4,5 тыс/ячи/ матерей с детьми.

За пределы Бел/оруссии/ 32 тыс/ячи/ отправлено.

60 тыс/яч/ в пионер/ские/ лагеря. 150 тыс/яч/ на одну смену. Псков, Пенза, Москов/ская/ обл/асьт/ три смены, 10 тыс/яч/ труда и отдыха. Марийск, Литва, Ленинград, Вологда, Калинин, Эстония, Ярославская, Пенза, Мордовия, Краснодар, Кострома.

Жемчужина России... Анапа... Можно Адлер – матери с детьми (12 тысяч).

---

¹¹ Слюньков Николай Никитович – первый секретарь ЦК КПБ (1983–1987), член ЦК КПСС.

¹² Кузьмин Александр Трифонович – участник Великой Отечественной войны, летчик. С февраля 1971 г. по август 1986 г. – секретарь ЦК КПБ.

Это по тем районам, а прилегающие?

Наши все забрали: 100 % – Витебская, Мин/ская Гродн/енская/, (Брестская – 2 санат/ория/).

Из тех районов на 3 месяца.

Лоев, Чечерск, Славгород, Буда-Кошелев, Костюковичи – пятна [радиации].

Предельная норма – 5 внутренних, 5 внешних миллирентген – для детей.

Взрослые – 20 (10 и 10).

Радиобиология – академики – группа из 4 человек.

Чтобы взяли под контроль Белоруссию.

Теплая трава в «большой палатке» (где концерт) пахнет приятно, сладко, радостно, как всегда. Без мысли о радиации. Вчера – это было везде. Сегодня – не в Белоруссии, нашей всегда первой и не обойденной общей бедой, первой в общей беде.

Турку. Лагерь мира. 03.06

07.06.86

Потеря нравств/енного/ нач/ала/ – вот что такое псевдонаука. Вавилов¹³ расширял растит/ельный/ генофонд для человеч/ества/. Он воплощал то, чему грозит сегодня НТР, бездум/ное/ и бессмысл/енное/ наступл/ение/ техн/ики/ на мир природы.

Мы вспоминаем В/авилова/ не только в связи с генетикой. О Байкале, север/ных/ реках, об омертвевших р/ек/ах Бел/оруссии/ и Укр/аины/, и вспом/инаем/ Вавилова. О мертвечине в лит/ературе/ – и Вавилова. О науке, к/отор/ая открыв/ает/ орудия смерти против жизни, и призыв/аем/ имя Вавилова, чтобы образумить молох псевдонауки, то есть лишен/ной/ нравств/енной/ цели.

Идея, тема рассказа: Случилась беда в стране. Чинобольшущая беда, но тут принято, что в стране совершаются только прекрасные вещи. Вместо того чтобы заниматься всерьез бедой, ее устранением во всех масштабах, занялись наведением глянца на представлениях о сей стране в др. странах.

Постепенно должны были забраться в убежище и уже оттуда изображают (с пленок) нормальную жизнь на норм/альной/ земле, а на ней уже – радиац/ионное/ кладбище.

12.07.86

И вывозить, вывозить детей, подростков! И не на месяц – три, а пока обст/ановка/ сущ/ественно/ улуч/шится/. Самые большие чиновничьи упущения – здесь. Радиация мгновенна, чиновник медлителен – по самой природе своей. Да и то сказать: слишком мала оказалась республика для столь большой беды. Своих «чистых» районов для настоящей эвакуации явно недостаточно. Пора осознать, что каждый день промедл/ения/ с эваку/уацией/ детей, когда «враг» не то что приближ/ается/, а уже в доме – самый непростит/ельный/ грех перед будущим народа. Тут никакие наши оправд/ания/ и объяснения время не примет. Нужна организ/ация/, люди, к/отор/ые только этим и заним/ались/ бы: с к/отор/ых можно было бы спросить, но у них были бы высшие права требовать, разрешать, запрещать...

---

¹³ Вавилов Николай Иванович – генетик, селекционер, географ, общественный деятель, академик.

Повесть о том, как «выжили» (в отчетах) после Чернобыля.

Рассказ о мудрых и заботливых руководителях народа, которого уже не было.

Собственно, он был, народ, а иначе как появились бы руководители, кем бы они руководили бы. Но затем исчез. Народ исчез, а руководство осталось. Ну, не наоборот же должно было случиться. На всех правительственного бункера не хватит, на всех не был рассчитан. Да и те самые загородные «закрытые» совхозы, фермы, которыми питались «закрытые распределители» и из которых питались заботящиеся о народе руководители (а как будешь о народе, ежели себя для народа не сохранишь?), и все эти закрытые потому и были закрытые, что на всех не наберешься. Продуктов нормальных, здоровых, незараженных. Но главное-то не радиация, вдруг высыпавшаяся как тифозная сыпь, покрывшая землю, реки, леса, деревни, города (невидимая, а потому даже не сыпь, а так что-то, чего вроде и нет, а лишь ученые, ее (сыпь) изобретшие, ее предполагают), не это главное, а чтобы правильно освещали. Ну, у нас, это мы позаботимся, да и сами журналисты-газетчики-писатели позаботятся: распишут рыбалку или как соловьи запузывают над реками (которые «стали горьки») и все в порядке. Есть, а будто и нет, скорее, что нет, а если и есть, то это перестраховки ради, т/ак/ ск/азать/, наша неизлечимая забота о здоровье-благополучии населения. И проверяем, и делаем не потому, что есть, а как если бы было, хотя знаем, что нет этого. Не бывает у нас (это у них!) ни наводнений, ни землетрясений, ну а уж если у нас случилось, то внимание все тоже – на них, туда. Что да как пишут, такие-сякие!

Долго история пишется-сказывается, ну а жизнь шла, шла, да и кончилась.

Та, что наверху. Осталась в бункерах, куда поступало все чистое. Населения не стало, а руководители – вот они, здесь, все – и главные, и замы, и помы, и все их окружение, кое-кто из семей, но тоже при службе (дети – учатся **быть**).

А там никого! Но тогда что получается, получится? **Те, оттуда** такое распишут! Это именно и распишут: что никого, всем каюк! Но это **они** распишут, а позволить им клеветать и злобствовать – кто, какой патриот позволит!

И вот пошла писать губерния. И не только писать: о посевных-уборочных, труде-отдыхе трудящихся/ся/, не только, понятное дело, в газетах, но и **показывать** – по кино и телеканалам. А это труднее, а это сложнее: приходится вырезать и монтировать из того времени, когда художественно, но все это можно было снять, заснять.

И весь мир успокоился и с еще большей яростью стал готовиться к глобальной «Полыни», чтобы и самим тоже защитить население – из бункера, отстоять его честь и независимость (из бункеров). И тогда будет совсем понятно все: эти – в бункере, те – тоже, а больше – никого, но они, и те и другие, в бункерах стараются во имя своих народов, их свободы и счастья.

Вот так приблизительно выстроится рассказ. Но в какой тональности? Из каких кусков?

Войдут ли деяния наших и украинских товарищей в первые часы... в первые дни... в первые недели...

Когда вся забота: не раздражить вышестоящие инстанции тем, что случилось именно у тебя и с тобой.

Южнее реки [Припяти] – наврали, что не взрыв, а пожар, всего лишь пожар!

Севернее: а у нас ничего, а у нас ничего, чуть-чуть-чуть, а так ничего!

Главное, чтобы не «накивали пальцем» в сторону Бартошевича¹⁴ – Ковалева¹⁵, как накивали южным соседям, а что там с людьми, которых накрыло, – не паникуйте!

А, м.б., и рассказы-вкрапления беженков наших несчастных?

---

¹⁴ Бартошевич Геннадий Георгиевич – второй секретарь ЦК КПБ, председатель Минского горисполкома.

¹⁵ Ковалев Михаил Васильевич – Председатель Совета Министров БССР (1986–1990), член ЦК КПБ.

13.07.86

Да, во всей истории этой очень важную роль играет лозунг, формула, разрешение: «Не превышает нормы». Люди и вымерли по медиц/инскому/ разрешению, нормально, по нормам, подогнанным под фактическую радиацию.

Нет, это «бункерная летопись» – с полным убеждением в разумности и нужности такой политики. И доказательство, апофеоз: восторг, что заведенные в заблуждение, одураченные политич/еским/ мастерством враги дали залп из всех ядерных дыр – и погубили собственное население собственной радиацией.

(Да, но в «шахтах» все же оставались. И остались. В уцелевших.)

15.08.86

Эпиграф к рассказу-летописи:

«Третий ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод.

Имя сей звезде «попынь»; и третья часть вод сделалась попынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки».

[Откровение Иоанна Богослова. Гл. 8]

Дать как эпиграф, а м.б., в тексте, начать с этого «летопись» и дальше – комментарии летописца. Дескать, нет ничего общего. А случилось потому, что «наука требует жертв» и нельзя без энергии (а без людей – можно) и что потом уже не «попынь», а совсем другие ахнули – и еще треть, и еще треть, а потом уже все чисто. Опасность устранена (ибо устранен народ, население).

Станции работают, энергии избыток, достаточно для бункеров и для трансляций, для внушения врагу тревоги и страха.

И вот – настал день. Великая мистификация сработала, блеф невиданный победил: не выдержали у них нервышки, дали залп и сами погибли.

Можно было из собственных шахт, но все не решались и там вымерли – некому было снабжать «здоровыми» продуктами. И на них не хватило. На всех-то не хватит!

«И увидел я новое небо и новую землю; ибо прежнее небо и прежняя земля миновала, и моря уже нет».

Гл. 21, 1.

«...и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет; ибо прежнее прошло».

Гл. 21, 4.

«Ворота его не будут запираются днем, а ночи там не будет».

Гл. 21, 25.

[Откровение святого Иоанна Богослова]

Физикам: умеете, научились открывать, задача: научиться закрывать. Например – Чернобыль.

К рассказу: народ вымер в результате выполнения плана по продуктам: пахали стронций, сеяли плутоний, убирали цезий. Чтобы побольше выполнить план! И – перевыполнили.

Человек тяжело и безнадежно болен. Все знают, а он, главное заинтерес/ованное/ лицо, не знает («так ему лучше»).

Здесь наоборот: всем грозит беда, смерть, но знают лишь некоторые (врачи и бюрократы наши) и они считают нужным преуменьшать опасность («так им будет лучше»). Цинично: умирать-то будут от привычных болезней, конечно, усугубленных радиацией. А что и от стронция (до 35 % – белокровие), от плутония (рак легких) – пока вообще молчат.

Значит, вы врачи?!

И это: бюрократическая/ «лестница» стала не просто причиной разных нехваток, но уже опасна для жизни народа, смертельно опасна.

Проголосовали за то, чтобы смешивать заражен/ный/ продукт с чистым, чтобы было больше (план, продовольственная/ программа) – до нужной пропорции, «допустимой». (А допустимой медики назовут любую.)

То, что собирается делать «медицина» под давлением угодливо бюрократического местного начальства – готовится не лечить заболевших и не предупреждать заболевания и все формы радиации (через продукты особенно), а скрывать и прятать концы, поставит и тех, кто выше, в положение, сопоставимое лишь с тем, что оставил в истории после себя Сталин. Захотят ли люди честные этого (о них лишь речь), если поймут, что произойдет и именно от нашего хватания за привычные формы сокрытия любой правды, даже затрагивающей судьбы миллионов?

16.08.86

Реки не потекут вспять!!! Но что помогло больше: наше – писательский вопль или... Чернобыль? Просто нет миллиардов!

До последнего держался за свой кусок, хотя он уже радиоактивный был, знал это, а держался, как и прежде, больше, чем за жизнь на Земле.

31.08.86

...И наконец, рассказ о том, как радиация выморила все население, пока начальство скрывало его от «врагов». Потом враги все-таки ударили (по пустой территории) и сами себя доконали – через радиацию, ядерную зиму.

Рассказ должен нести в себе **восторг** (начальства), как здорово они заботятся (нет, не о населении) о том, чтобы там не злопыхательствовали. И удалось – те поверили и т. п.

Да, в рассказе о загубленном народе: писатели очень хлопочут о «шлыльдах» и счастливы, что начальство разрешило. А что с народом – не замечают. (Не разрешено замечать.)

1987

14.02.87

Роль и вес писателей в обществе. Экология. Журналисты, да. По конкретным делам. Писатели – ходатаи по делам рек, Байкала, Чернобыля.

На Пленуме СП в Москве.

...Я говорю, потому что я, мы в Бел/оруссии/ видели руководителя истин/ного/. [Кузьмин А.Т.] Что, семи пядей? Прост даже. Что докт/ор/ филос/офских/ наук, как этот И.И.? Нет,

просто летчик. Но сколько такта, уважения/, с годами знание нас и жалость к нам там, где мы унижаем писател/ьское/ имя, так уважаемое им.

Ушел, ушли, потому что не соглас/ился/ с желанием руковод/ства/ респ/ублики/, выполнить продов/ольственную/ программу так, будто нет радиоак/тивного/ сена, радиоак/тивного/ скота и пр.¹⁶

Тогда родился у нас афоризм: для кого (для других) хлеб свой с маслом и чай важнее – жить ли миру. Даже когда чай – радиоактивный.

Человек в респираторе.

Повесть.

Перед детьми из «тех» мест выступает С., сам в респираторе, горячо убеждает быть «стойкими на рубежах», какими были их деды, наши отцы. Народ наш привычен! И т. д.

Такая же честность требуется от всех. Дело не в словах, не в том, что можно найти потрясающие пророчества в каждой из религий. Именно я зачитал на съезде из Иоанна – о звезде Полюнь, что по-укр/аински/ – Чернобыль.

Но дело, повторяю, в смелом повороте к реальности, к/ото- р/ый никто и никогда предвидеть не мог.

Ошибаюсь? Очень хотелось бы услышать, как смотрят сами теологи на это: насколько готово было то или др. религиоз/ное/ мышл/ение/, а если нет, так в чем, и что новое нужно каждому. А что в литературе?

На пленуме (СП БССР): долой гласность! Писатели?..

А радиация и то, что с народом будет? Глухая стена молчания.

Иногда ходим по касательной: чтобы не на доты!

И тут все сравнивать, подравнять жанр под [книгу] «Никогда не забудем». Тогда, конечно, «бороться» легко будет. Или уговорить, что этот жанр уже все сказал в «Огн/енных/ дер/евнях/»¹⁷. Оставьте его и «идите к нам». А эта лит/ература/ – не мы, не бел/орусская/ тема? Да и жанр, он-то и мог ответить на Чернобыль. Именно он.

30.06.87

«Жюри¹⁸ (документального кино) выражает глубок/ое/ уважение советским кинодокументалистам, которые с риском для здоровья, а то и ценой жизни, сделали зримой для всего человечества боль и тревогу Чернобыля».

Наука и контроль общ/ественного/ мнения (науч/ный/ за ней). Чернобыль – не только ошибки и преступл/ения/ операторов. Но и результат монополий в науке одной группы, «идеи».

Капица и др... Победила группа Александр/ова/¹⁹. Не должны бы лишать права на голос, контроль, критику и др. сторону. Пришлось бы соверш/енствовать/ и строже вести работу.

Не получив согласия создателей станции, притом (!) в субботу, притом ночью (все это запрещено), энергетики экспериментируют, как бы выгадать энергии на полчаса (не брать с III блока). Семь блокировок. Директор и глав/ный/ инженер – виноваты за эксперимент.

---

¹⁶ Кузьмин А. Т. ушел из ЦККПБ в августе 1986 года.

¹⁷ Имеется в виду книга А. Адамовича, Я. Брыля, В. Колесника «Я из огненной деревни».

¹⁸ А. Адамович был Председателем жюри документальных и короткометражных фильмов XV Московского международного кинофестиваля.

¹⁹ Александров Анатолий Петрович – физик, президент АН СССР (1975–1986), директор института атомной энергии (ИАЭ им. И. В. Курчатова) (1960–1988), руководитель программ по созданию ядерных реакторов.

М.б., диссертацию иметь. «Сэкономили» бы полчаса. 250 тыс/яч/ киловатт **часов** выработать в сеть – и прибыль, премия.

Зачем это делали?

Когда торгаш становится царем,
А инженер находится в загоне,
Тогда наш мирный атом входит в каждый дом,
А вместе с ним и стронций, и плутоний.

Передали станцию министер/ству/ энергетики (в министр/ество/ среднего машиностроения, Комитет по атом/ной/ энергии), приоритет физиков был потерян. Чего-то мы, энергетики, будем с ними советоваться?

Легка система запуска, стерженечки поднял – пошло.

Эйфорич/еское/ состояние молодого водителя – до первой аварии. Невежество, эйфория невежды.

Отрапортовать к Первомайскому [празднику] об успешном проведении эксперимента. Проводились ниже нормы, нужно было неск/олько/ дней переждать. Вытаскивают центр/альные/ стержни (глав/ные/ тормоза) – реактор остался без [защиты]. Разгон, остановить нечем. [В] 300 раз за 3 сек. увеличили энергию.

Физич/еского/ образ/ования/ не было, не было барьеров, к/отор/ые дает образование. Полуобразование – неграмотность, помнож/енная/ на безответственность.

Как вся система начала оправдывать преступл/ение/ дураков, даже на науку валить (требует жертв). Как организована вся структура.

Люди вымрут на Могилев/щине/, кто вернется туда? Новые? Нет. 10 % всей республики.

Ядерный Спид. Убит будет иммунитет.

Раза в 3–4 больше территорий, чем на Укр/аине/ пострадали. На 5 млн [руб.] приборов – Украина, а мы – ничего не получили.

Чериковский, Костюковичский, Славгород/ский/, Краснопольский и Быховский [районы]. Еще один. 14–15 кюри – 137 населен/ных/ пунктов, 1195 кв. км – 16 тыс. человек. Больше 40 кюри – 224 кв. км, 6 деревень, 5530 человек.

Производили радиоактивные отходы.

Гомельское начальство – сохранить труд/овые/ ресурсы, не отдать Витебской.

О пользе пессимизма. Брать самый пессим/истический/ вариант, а потом сужать кольцо. 192 тонны урана, около 3 тонн осколков – вот Чернобыль. Около 5 тыс. кв. км – в 4–5 раза!

Аварийная инструкция лежала и в облисполкоме, в ЦК Украины. Не позвонили даже соседям.

В зону посылают людей косить сено – выполнять план.

– А снимут, а где потом работать?

Белоруссия возродилась потому, что людей в болотах сохранили. А тут?

Из Москвы все ждут команды. А сами информацию не дают.

Людам обещали, что вернутся. Но частиц в мин. на см. кв. 30 тыс., а не 2 тыс. – вернуть. Сдержать слово! Чтобы не «обмануть». В 20–25 раз хуже нормы.

Хлеб пекут на сыворотке:

– Молоко запретили пить. А сыворотку не запрещали.

Бабка с тyпкой и коровой (ночью).

– Надо прополоть. Коровке трава... А мне же не сказали. В запретной зоне.

Пашут.

С детьми разговаривает через респиратор.

А трактористам не дали:

– Панику посеять?!

Милиционеры охраняют зону. И набирают бэры. Мол/одые/ ребята.

Ма-аленькая станция и – вот! Маленький оператор и вот что!

Уходит из дома, а тут 15 [рублей] в долг. Ничего, после 1 мая получим премию. Будущему ребенку – коляску.

Мысль, что ядер/ная/ война может начаться оттого, что бабе захотелось лишнего червонца.

«Отключение» моральных блокировок.

Пожар или взрыв?

«Сюжет фильма» [«...Имя сей звезде Чернобыль»] – максимальное бедствие от аварии, если бы... не погасили, если бы. реактор осел ниже, в почву, глинозем и пр. и если бы было не 0,8, а 5-й – это стало бомбой в 3–5 мегатонн, если бы.

То есть дать все, что было на самом деле, а затем вослед – взрыв. И – вывезенные, в т. ч. и жена оператора, и города – Киев, Гомель, Минск (эвакуация и – вослед взрыв). То есть ядерная война «мирного» атома.

«Мирный» преследует Ее с не родившимся. Вначале эвакуируют/ из городка (1000 машин), деревни новые. Потом – в бомбоубежище.

И настигает – в огром/ном/ городе.

Машина директора [станции] догоняет [ее] (вывозит семью, хотя сигнала бедствия не дал). Навстречу начальство повыше, забирают его и назад. А машина с детьми уходит.

29.07.87

Вопросы докладчику, зам. Председ/ателя/ Сов/ета/ Мин/истров/ БССР Петрову А. А.

Вопросы и к АН БССР.

1. Что мы делаем и собираемся делать с десятками тысяч тонн, зараженных радиоактив/ных/ продуктов, которыми забиты холодильники?

2. Что делаем и собираемся делать по переселению, спасению жителей в местностях, деревнях (юг Гомельщины и юго-восток Могилевщ/ины/), где жить нельзя?

3. Что делаем и собираемся делать, чтобы не плодить и не размазывать по республ/ике/ и стране радиоактив/ные/ отходы? То есть когда прекратим с/ельско/хоз/яйственное/ производство там, где не имеем права этого делать. По всем законам здравого смысла, морали, человечности ввозить «чистые», чтобы [не] производить «грязные» и потом не знать, что с этим делать – разве не абсурд это, не преступление?...

Из зоны вывезли 9800 семей. Потеряли 19 колхозов, поселили не вместе, молодые уехали за пределы области. Потеряно 90 тыс/яч/ га земель, 40 % мяса производим в Гомел/ьской/ области/. Потребляется там же.

Намечено в Гомел/ьской/ обл/асти/ 29 хозяйств реэвакуировать.

Из 1460 хозяйств – в 160 молоко грязн/ое/.

Нет никаких машин изотермических, не дали. Автобусов не дали детям тоже.

Даже сменной обуви в школе не приобрели.

С колясками в машину нельзя. Бросили, сотни колясок пустых остались после ухода колонны машин. И вещишки лишние, куклы. На окне одна, смотрит на коляски неживым детским, безмятежным взглядом куклы.

Детей привезли, ведут, их боятся другие дети, да и взрослые, они окружены «радиацией».

Реактор гонит ее от себя, эваку/ированная/ деревня, город, но и притягивает. Там погребен отец ее буд/ущего/ ребенка.

То, что происходит и с людьми и атом/ной/ энергией: отпугивающей и влекущей. Как и всякая погибель.

Человек в респираторе. Повесть.

Ну вот, все, кажется, идет, как следует, как положено. То, что мы в деловых бумагах и в печати называем Событием, обрело контуры, вошло в рамки, берега. То есть держим под контролем.

Вчера С. был у эвакуированных с места События детей. Записанную на магнитофон речь привожу полностью... Правда, был он в респираторе. Говорил сквозь плотную маску и отдельные слова, выражения неразборчивы.

– Дорогие дети! Вы можете считать себя героями, и мы все вами гордимся.

14.10.87 в 11.00–17.00

Беседа с Легасовым!²⁰

Чернобыль начался с 1961 г. – полет Гагарина (высшая точка). Начало падения советской/ техники.

Пионеры а/томной/ э/нергетики/ на 10 лет прекратили строительство.

А они энергетику. Зн/ачит/, о безопасности.

А у нас хватит уголька.

Спохватились и погнались...

Неизбежность осознали. Темп потерян.

Роковая ошибка – с чего Чернобыль. Стандарт безопасности.

1. Макс/имально/ надежный реактор.

2. М/аксимально/ надежная/ эксплуатация.

3. Капсулировать (под колпак).

Кто преступник?

1. Те...

2. Конструкторы.

3. Руководство энергетики, к/оторые/ настояли – без колпаков. (25 %, 30 % сэкономили), Байбаков²¹, министр Славский, Непорожний²² – это они гнали в шею.

---

²⁰ Легасов Валерий Алексеевич – химик, академик, первый зам. директора института им. И. В. Курчатова, помощник А. Александрова.

²¹ Байбаков Николай Степанович – Председатель Госплана СССР, зам. председателя Совмина СССР.

Реактор Большой Мощности Канальный – РБМК.

Этот под колпак не помещался – Фейнберг, конструктор.

МАГАТЭ²³ не запрещало этот тип – не было правил.

Корпусов нет. ВВЭР (водноводяной энергетический/ реактор).

Славский – нач/альник/ машиностроения/ дал ход. (Мы можем страну выручить.)

Управлять им трудно – поняли. Разрешили без колпаков – все.

Никто это не развивал – опыт лишь наш.

У америк/анцев/ их 4 – высокого класса контроль (и у нас, когда Среднемаш).

...И тем не менее. Спасать страну!

Конструкт/орские/ ошибки, по кр/айней/ мере, [надо] 2 сист/емы/ защиты. Одна не зависеть от оператора должна.

А тут – одна защита. Грубейшая ошибка.

2-я ошибка – несоответствие скоростей. (14 РБМК.)

Философия безопасности ложная, а техники могли бы.

(И тех (ВВЭР) тоже 14!)

Александров пошел навстречу Госплану – при обязательном условии высшего качества. Не уперся до конца.

Победили: Давай, давай! – и премии от Минмаша. Сожрали начальника ради премий и пр.

Нет философии безопасности.

Сварщик заварил халтурно на Кольском полуострове.

Неоправданный перенос опыта воен/ной/ промышл/енности/ в обычную.

Без перевозок. Захоронение. Везде возможны аварии, но не возм/ожен/ Чернобыль. Но с отходами может.

Все вокруг реактора, остальное второстепенно/. Нужны все специалисты.

Апофеоз филос/офии/ безграмотности безопасности.

Армянс/кая/ АЭС, Ленинградская, Козлодуй АЭС (Болгария). Химич.: Держинск, Куйбышев, Чемкент (фосфор/ный/ завод) – 300 км мертв/ая/ зона – Легасов предсказывает эти катастрофы.

14.10.87

Если не принять меры, а их не принимают!

Ефим Павлович Славский – Министр среднего машиностроения.

Он!

Доклад оптимистический об успехах. Правда, что-то в Чернобыле. Но – успехи!

Щербина²⁴ – глава Правительственной Комиссии [по Чернобылю].

Разбивал молотком депутатский значок (радиоактивный).

---

²² Непорожний Петр Степанович – министр энергетики СССР.

²³ МАГАТЭ – Международное агентство по атомной энергии при ООН, создано в 1957 году.

²⁴ Щербина Борис Евдокимович – зам. Председателя Совета Министров СССР.

Чернобыль живет мирной жизнью.

За 8 км – труба, из которой не идет дым. Малиновое зарево в полнеба и пар прет.

1. Причина аварии – Мешков.²⁵

2. Что делать – предложения (Легасов).

3. Воробьев²⁶ – Мин/истерство/ здравоохранения/, определить степень опасности.

4. Подготовить к эвакуации.

Это – вечер 26-го.

Медицина возражала против эвакуации! Правила: 25 бэр, местная власть **имеет** право эвакуировать, если 75 бэр – **обязаны**. (Международных/ правил нет.) Припять оказалась «чистой» – менее 10 бэр. Завтра будет! А вдруг не будет? Нарушим закон.

Щербина своей волей принял решение. Медики не подписали, только назавтра в 11.00.

Радиосвязи не было. Милиционеры ходили и предупреждали: не выходить и т. д.

В 11 часов – об эвакуации объявлено.

Навсегда ли? Долго будут собираться. «Возможно на несколько дней, возможно на больше».

Ошибка: на своих/ машинах выехать, зараженные машины, 45 тысяч эвакуированных/.

И партийные/ организации. Каналы исчезли, демонтированы. Не было через кого.

Собаки жалобно смотрят, не берут с собой. Бегут за машинами, их окликают с плачем дети.

Директор [станции] в шоке полном, недееспособный.

Шашарин – замминистра, действовал энергично.

Логика принятых решений. Железную дробь? Но она оказалась зараженной. Свинец! Доломит. Песок.

Графит горел с 26-го [апреля] по 2 мая.

Азот – не получилось.

С Москвой советовались (с учеными), что засыпать. Предполагалось состав (нитратомония) – который мог взорвать все. Думали, что сгоряча.

Выделения радиоактивные до 20 мая, до 23 мая (цезий, стронций). Плутоний не далее 15 км. Цезий самый легкоплавкий.

Не допустить 2500° – плавление таблетки урана было бы не 3 %, а все 100 % – не дать 2,5 тыс/яч!

1700 тонн урана улетели бы при 2500°.

– Недостаток не технологии, а философии этого дела.

– То есть?

---

²⁵ Мешков Александр Григорьевич – зам. министра Министерства среднего машиностроения.

²⁶ Воробьев Андрей Иванович – радиобиолог, академик Академии меднаук СССР, директор Всесоюзного гематологического научного центра.

– Гонка! Она везде смертельно опасна. Отказались от колпаков, а это не техника, а философия – колпаки. Излишнее доверие к технике реактора. К подготовленности работников. Но даже если бы и так, нужен механизм на случай, если ошибка.

– Технический все-таки?

– Нет, философский. Не иди дальше черты, где назад хода уже нет.

– Какая температура?

– Поднимается снова.

– Опасно?

– До 2500° далеко.

– Ну, не пугайте. Это не катастрофа, если?..

– Да 100-процентный выброс тяжелых. А этого добра 1700 тонн.

– Хватит на всех?

– Хватит и на Огненную землю.

– Что надо еще?

– Полетел в Москву наш. А пока азот. Попытаемся охладить дутьем.

– Нельзя отставать. Чтобы потом не устраивать гонку. Как мы с реакторами. Сначала неверно определили запасы угля. Упустили 10 лет. Потом бросились догонять. Потеряв по пути осторожность. Вот эти самые колпаки.

1. Предчернобыльская/ философия.

2. Турбина еще вращается... На выбег. Конструктор должен был сделать это на стенде. Не проверив характеристики – величину выбега определить. В 1983 г. проверили – не получается. Дизель 12-секундный можно и меньше – можно было просто заменить дизель получше.

3. Спасение людей через работу с реактором (2500° и т. д.), заглушение его.

4. Плита под реактором – бессмысленно. Бассейн надо было залить цементом вместо велиховской «подушки».

– Зальем цементом бассейн – вот и будет плитой.

Под эту задачу (подушку) получить технику и пр. для саркофага. Потому Легасов согласился с велиховской плитой. Масса метростроевцев для этого – под развалины подушку! Легасов и Александров запротестовали и не стали этого делать.

Саркофаг – 17 проектов. Вел Ваталин, нач/альник/ Госстроя. («Укрытие» – бетонный колпак). Сроки – конец сент/ября/. И опоры не выдержат. Вместо бетон/ного/ купола – трубный накат, жесть. Коробка квадратная – не входит.

Но гаммоизлучение выходит – опасно для соседей.

Негерметичный от грязной воды (дожди, снега).

Незавершенность. Болезнь остановлена, не излечена.

Был тепловой взрыв – быстро начала расти мощность. За 1 сек. в 13 раз. Пар, вода, графит – тепловой. Больше графита было бы – ядер/ный/ взрыв.

Ель – в сосну. Пышные иглы.

Учет **психологич/еского/** поражения. Косвенный результат. Не радиophobia.

Реальный эффект. Наибольшие потери с этой стороны – в атом/ной/ промышл/енности/.

Один вертолет сгорел – за трос зацепился.

Горбачев на съезде:

«Мы за то, чтобы все достижения науки и техники были поставлены на службу человека, не вели к нарушениям экологической среды. Мы извлекаем суровые уроки из такого трагического события, как авария на Чернобыльской АЭС. Мы за то, чтобы покончить с использованием науки в военных целях».

Умный чел/овек/ после Хир/осимы/ сказал: мир станет гуманитарным или его не станет.

Это не значит, что исчезнут уч/еные/-физики или химики. Но аварийная система – нравственная – у них будет получше, чем на нынеш/них/ атом/ных/ ст/анциях. Не исчезнут и политики, но нравственность станет действ/ительно/ основой всех их действий, решений.

Страна, к/отор/ой не жалко.

Хорошее название для повести о Чернобыле – слова Бисмарка.

1988

200 реакторов в Европе. Значит, и «простым» оружием не повоюешь.

Черчилль: На сияющих крыльях науки на землю опустится каменный век.
(Притом и камни будут радиоактивными, чернобыльские.)

К встрече с М. Горбачевым:

1-4. [...]

5. Секретность. АЭС – Белоруссия. Дети. Вахтовый метод. Воробьев (академик), Легасов – очередность взрывов. Писал он об этом. Ученые кланы.

6. [...]

Встреча.

Беседа у М. С. Горбачева – 24.02.88

Приехали мы с Д.А. [Граниным]²⁷ к 11.

Вышел навстречу...

...И тут я поблагодарил за Комиссию, к/отор/ую М.С. прислал в Белоруссию в ответ на мое письмо.

Засмеялся, как при упоминании про часы, видно, что и тут знакомы ему отнюдь не добрые слова в адрес Адамовича. Засмеялся: мол, испуг был, может быть, и лишний, в письме, но это не вредит делу. Я про то, что не очень и лишний-то испуг, а вот сегодняшнее спокойствие – похуже. Про ситуацию, когда врачи вахтовым методом живут в Брагине один месяц, а дети? Про 20 тыс/яч/ тонн зараженного мяса. Про 40 кюри на Могилевщине (3–5 деревень), а потолок – 15. Про то, что Белоруссия получила в 4–6, если не в 10 раз больше, чем Украина, что продукты получаем зараженные и размазываем по всей республике.

Он явно был обескуражен, встревожен:

– А говорят, что уже все, что можно людей возвращать. Напиши! (Он меня – на «ты».)
Напиши все это, надо вернуться к этому делу.

Ну, тогда я и про то, что мне [рассказал] Легасов, и что я с его разрешения записал: какая АЭС взорвется следующая (в Армении или под Ленинградом), какая это радость – 14 станций эти, да и другие. США уже их не строит с 1978, а мы? Если считаем, что лишь через 10–15 лет будет толк от них – на быстрых нейтронах и т. д.

– Если еще один Чернобыль – это сломит наш народ!

---

²⁷ Гранин Даниил Александрович – русский писатель, соавтор А. Адамовича по «Блокадной книге».

Согласился, видно было, как эта мысль его обжигает.

– Напиши! Все это напиши!

Я – про то, что еду в ФРГ.

– Ну, до 8 марта, вернувшись, напиши.

Он прямо-таки настаивал. Договорились, как смогу передать ему бумаги напрямую.

Про то сказал, что кланы ученые, и это мешает им сказать всю правду, которую, я от них слышу, которую друг другу говорят. (Про Легасова: мол, и он виноват в Чернобыльских делах.) Да, верно, но теперь готов смотреть правде в глаза – это я сказал. И добавил: «Как и Сахаров искупает бомбу свою».

Это – к письму материал.

Я специально не называю имена крупных/ специалистов, академ/иков/, к/отор/ые мне помогли понять, неспециалисту, тяжелую истину. Думаю, что и Воробьев, и Легасов, и Васильев, и Шейндлин²⁸ и др. сами выскажутся, более научно, о том, о чем я здесь пишу. У писателя нет их знаний, но нет и клан/ово/-науч/ной/ предвзятости, стесненности.

Нужна открытая, шир/окая/ дискуссия, в усл/овиях/ гласности/. (Впрочем, спор уже начали «М/осковские/ н/овости/»).

Чернобыльский СПИД – ослабл/яет/ иммун/итет/ системы и др., не распознает заболевания (вылавливать, предупреждать, а не списывать на обыч/ные/ заболевания).

Генетич/ески/ (рождение неполноц/енных/) – это уже начинается.

Неск/олько/ лет – лейкемия.

Через 10–20 лет скажутся раковые на тыс/ячах/ и тыс/ячах/. Опять-таки необх/одимы/ меры.

И прежде всего: не платить рубли (гробовые) и предложить/ Витеб/скую/ обл/асть/.

Не производить зараж/енные/ продукты, не размазывать по респ/ублике/ и стране.

Притом республ/ика/ в неравном полож/ении/. Во-первых, идет то, что не идет в др. р/айо/не. Хотя если уж на то пошло, съесть в Чите бел/орусское/ масло, сыр – безопаснее, чем в Бел/оруссии/. Они там не получ/ают/ [радиацию] из воздуха, воды. Поэтому логичнее и гуманнее или очищ/ать/ прод/овольствие/ лучше (есть рекомменд/ации/), но поскольку тайна – их не использ/овать/ или уничтож/ить/ (те 20 тыс/яч/ тонн). Или как раз в Бел/оруссию/ завозить чистые, ей чистые нужнее.

Я мог бы сослаться на мнения крупнейших наших специалистов, но это были устные разговоры и я понимаю, что существуют тонкости в человек/еских/ отнош/ениях/, страстях, поэтому буду избегать этого. Но поверьте, я не осмелился бы фантазир/овать/ от своего имени и с литер/атурными/ знаниями вмешиваться в столь специф/ическую/ науч/ную/ область. Уже был случай, когда мне казалось, что я помогу людям, скажу за них то, что им хотелось бы, но они почему-то не решаются – сказалося. Я поставил их в неудоб/ное/ положение. Если и на этот раз случится то же, уже по отнош/ению/ к ученым, специалистам, что ж, пусть извинят, слишком важная и неотлож/ная/ проблема, чтобы с этим считаться.

Неожид/анный/ поворот темы: западногерм/анские/ коммунисты/ в двусмысл/енном/ полож/ении/: против АЭС в ФРГ, но за – в СССР.

АЭС в социалистических/ странах – нас это смущает (напр/имер/, расст/ояние/ от городов).

---

²⁸ Шейндлин Александр Ефимович – академик, директор института высоких температур АН СССР, инициатор создания Московского энергетического клуба.

О, эта упоенность чиновников, причастных к тайне, лишь им доступной и с высоты своей причастности смотрящих вниз!

Много мы помним из первых месяцев: вагоны с детьми, ищущие, кто их примет, потерявшие их матери. Но самое отвратительное – министр здравоохранения/ [БССР, Савченко Николай Евсеевич] и его окружение! Ничего не поделаешь: так это было и осталось во мне.

Я поджидал, когда меня примет человек в те дни, знавший больше других, а я искал информацию, чтобы ехать в Москву... Вошла в приемную плотная группа, в центре министр. Внесли с собой уже там, по дороге сюда начатый разговор, а потому, и не заметили человека, сидящего у окна. Впрочем, он заметил скоро и поглядывал с вопросом: кто и с чем сидит, свой, не свой? А лысенькие и толстенные все уплотнились возле министра и упоенно делились соображениями. Какими? Как одурачить матерей, к/оторые/ приехали в Минск с детьми, чтобы они детей оставили, а сами уехали назад. Туда, где что-то невиданно пугающее и невидимое осталось: что сказать им, что говорят и как ловко их дурачат, колхозниц. Они видели только министра, а потому меня не замечали, но министр обеспокоенно взглянул и раз и второй. Я сидел, и все, но я слышал это, и поэтому становился чем-то опасен – это заметно было по его поглядыванию.

Вошли в дверь А.Т.К.²⁹, министр еще раз оглянулся: иду ли я, с ними или не с ними я?

А когда через минут 40 они вышли, направился прямо ко мне (чувствовалось: сидели там, а он все прикидывал, перед кем обнаружили его дуралеи и его показали).

– Простите, как ваша фамилия?

Я назвал.

– Писатель?

– Ага. – Согласился. А что, боялся ты не зря. Тебе я этого не забуду, тебе и твоей лысой своре!

Врач в Мог/илевской/ обл/асти/ решил дозиметром измерить накоп/ление/ радиац/ии/ в орган/измах/ колхоз/ников/ (предст/авил/ пахоту по радиоакт/ивному/ полю). Врач-админ/истратор/ сам это рассказал перед аудит/орией/ врачей и грозит:

– Я ему руки укоротил!

Укорач/ивание/ идет от более сильных организ/аций/ – Главатома. Свой интерес, ведомств/енный/. От агропрома – свой («урожай!», «тонны»). Известно, что председ/атели/ колхозов посыла/ют/ людей косить и в закр/ытую/ зону. Закрываем глаза: лишние «корма».

Записи для письма Г/орбаче/ву:

Ситуация на землях, пораженных АЭС. В Бел/оруссии/, в частн/ости/.

Раздаются безответственные голоса, что норма, можно возвращать. Это не потому, что посл/едствий/ нет. А их не хотят замечать. Те же земли – зараж/енные/, размаз/анную/ радиацию...

На самом деле. Это лишь незначит/ельная/ сеть фактов. Чтобы полностью картина стала ясна, следует убрать ту часть секрет/ности/, к/отор/ая не диктуется др. соображ/ениями/, каккрытие мундира чести организ/аций/ и людей, так или иначе причастных к общей беде.

И еще: этот поворот к благополучию нужен тем министр/ским/ науч/ным/ кланам, к/отор/ые ратуют за дальн/ейшее/ строит/ельство/ АЭС.

А между тем: в США [не построено] – ни одной. Будущего за этими сист/емами/ – нет. Ждут др. на др. основах (10–15 лет). Зачем же [строить]? И как с ними расстаться?

Если мы не можем расстаться с 14 Черн/обылями/. Крупный/ уч/еный/, академик [Легасов В.А.], думаю он подтвердит (хотел сам писать), продиктовал график след/ующих/ Черно-

---

²⁹ Кузьмин А. Т.

был/ей: Армян/ская/, Ленингр/адская/ и т. д. В течение ближайших лет. По его мнению, аварийные/ системы незнач/ительно/ улучш/аются/ в срав/нении/ с Черн/обыльской/. Во всяком случае, три усл/овия/ не соблюдены: нет оптим/альных/ строит/ельных/ усл/овий/...и нет возмож/ности/ накрыть, удержать, если взрыв произойдет. М.б., именно это, услышанное 2 м/еся/ца назад, заставляет писать. Я спросил у акад/емиков/.

– В осн/овном/ – да.

– Почему же молчат?

– Есть клановые интересы, страсти и в науке, даже высокой.

У нас есть возмож/ности/ продержаться на угле, газе и пр. пока...

Во всяком случае, что очевидно:

1. Станции строить дальше – инерция безответ/ственности/ еще большая, чем у водолеев-мелиор/аторов/.

2. Нельзя дальше в угоду ведомст/венным/ амбициям тысячи людей держать на тех землях. Необходим объект/ивный/ науч/ный/ анализ незаинтерес/ованных/ ученых.

Никакой монополии в науке – школ, направл/ений/. Плодотв/орная/ идея А. Б. Шейндлина.

Рим/ский/ клуб по энерг/етике/, чтобы привлекать в качестве арбитров мир/овые/ науч/ные/ силы. Ведь эти пробл/емы/ давно имеют общечеловеч/еский/ смысл.

Это проблема Укр/аины/, конечно. Но еще в большей степени – Белоруссии. В 4–6 (в 10) раз больше высыпалось сюда, ученые признают.

апрель 1988 г.

Д/орогой/ М/ихаил/ С/ергеевич/!

Я не специалист, не уч/еный/-ядерш/ик/, не биолог, не радиолог и т. д.

Но в связи с постиг/шей/ нас, Бел/оруссию/ особенно, бедой я общался с крупными специалистами: акад/емиками/ Е. Велиховым, Н. Моисеевым³⁰, С. Капицей³¹, Воробьевым, Легасовым и т. д. И с сотнями людей, пострадавших или знающих ситуацию.

Поэтому то, что я скажу, не одни лишь эмоции писателя. Хотя как о таком без эмоций?

В этом случае писат/ельская/ позиция имеет то преимущ/ество/, что она объедин/яет/ знания, почерп/нутые/ от ученых, с реальност/ью/ жизни самой. И кроме того – никакой клановости.

Если мы хотели бы результатов, центр по изуч/ению/ долговр/еменных/ послед/ствий/ создали бы где-нибудь в Гомеле – а там, в Бел/оруссии/, и филиала нет (именно в неблагополучных/ зонах).

На мой запрос Союзагропром (письмо напис/ал/ акад/емик/ Корнеев) назвал 3 тыс/ячи/ тонн [мяса]. В Бел/оруссии/ наз/ывают/ 8 и 20 тыс/яч/. Если теперь три, то где остальные. Кто съел? И знал ли, что ест. Изв/естно/, что инст/итут/ питания реком/ендует/ смешивать зараж/енные/ с чистыми. Так что ли понимать?

1. Нужен серьезный разговор о том, как обезвредить потенциальные Чернобыли.

2. Как остановить ведомственнo-клан/овое/ стремление продолжить строит/ельство/ АЭС вопреки логике времени и тому, о чем уч/еные/ гов/орят/ сами.

3. Как овладеть альтерн/ативной/ энергией и прежде всего: про проблемы сбережения энергии, к/отор/ые, подсчитано, перекроют любые новые АЭС.

Проблема безвредного сжигания угля и т. д.

---

³⁰ Моисеев Никита Николаевич – математик, академик.

³¹ Капица Сергей Петрович – академик, зав. лабораторией института физических проблем АН СССР (1953–1992).

Вот уже неск/олько/ м/есяце/в все мне кажется не глав/ным/ после того, как оч/ень/ крупный спец/иалист/, причаст/ный/ к Черн/обылю/, сказал, даже позволил мне записать, как что-то, от чего он не откажется:

– След/ующая/ взорв/ется/ в Арм/ении/, потом под Л/енинград/ом... – из числа тех 14 Черноб/ыльских/ конструкций. Не соблюдены глав/ные/ условия: материалы и строит/ельство/ независ/имых/ авар/ийных/ сист/ем/ от чел/овека/ (пытаемся исправить, но полн/остью/ не получ/ается/), и третье – если случится, чтобы все осталось внутри. Колпак над этими констр/укциями/ воздвиг/нуть/ невозможно.

Остается полагаться на Бога. Но Богу явно эти станции не по душе.

Идеи Велихова о начале сберегающей программ/ной/ идеи Шейндлина и его института о сжигании угля без тех экологических/ послед/ствий/ дают прямой выход из ситуации без тупой, слепой инерции строит/ельства/ АЭС, заведомо несоверш/енных/ и опасных – нужен перерыв на 10–15, а там ситуация прояснится и с конструкциями, и с исход/ным/ горючим, и с захоронением отходов.

Некомпетентность писателя? Относительная. Но зато и преимущество: не выражает корпор/ативный/ взгляд ведомственных, а они и в науке имеются.

12.05.88

Есть у этой пробл/емы/ еще один поворот. Неожиданный. Но и вполне объяснимый. Оптимисты и сторонники нашей страны, они же – конечно же, сторонники и того взгляда на послед/ствия/ Чернобыльской/ аварии, к/отор/ый, как его назвать? – Ничего страшного! Одному такому я сказал: а детей своих [в зону] привезешь?

Именно «оптимисты» – строители АЭС стремятся преуменьшить результаты доверия. Когда один такой... я спросил:

– Ну а вы повезли бы своих детей в эти якобы уже безопасные р/айо/ны. Нет? Ну, так – грош цена вашему оптимизму!

Операторы: Ходемчук (завалило). Обоженный Шашенок (жена его медсестра): «Отойдите от меня. Я из реакторного, отойдите».

Отключ/или/ одну из авар/ийных/ систем, а из Киева потребов/али/ еще полсутки работать. Так и осталось.

Файнберг – автор схем, технических станций, вырабатывающих плутоний для бомб.

Его схему Доллежал³² приспособил для мирного использования атома – РМБК – Чернобыль!

Прямой наследник военного атома!

Откуда эта готов/ность/ забыть героев. Оттуда, оттуда – помни, как в 47-м, сняли деньги за награды.

А что много слишком [их], так потому, что и в 41-м – массой тел, а не умением. (Велихов об этом.)

Земля, планета возвращ/ается/ к состоянию (парниковый эффект и пр.), то есть за 2–3 млн [лет] назад, а социальное и технич/еское/ – в век XXI. «Ножницы». Что из этого следует?

---

³² Доллежал Николай Антонович – энергетик, академик, главный конструктор реактора первой в мире АЭС, реакторов чернобыльского типа.

Культурно-аварийная система. Иначе – Чернобыль. Гуманизация мира – цель. Просто образ. Просто развитие – еще не цель. Гуманизация!

План Чернобыльской повести/.

Перо давно сгнившей птицы, сорванное ветром с давно иссушенной радиацией одинокой ели мягко опустилось на черную землю, и она вздрогнула.

Все идет, как положено. Единственная трудность – найти еще людей, могущих заполнить службы единственного аэродрома. Главное, чтобы мир ничего не заметил. Сверху они не разглядят, что все остановилось – не поверят своим аппаратам. Сигналы тревоги поступят, но им думается, что мы людей поместили под землю, прячемся перед тем, как начать. Всю страну прячем.

29.06.88

Поискать (для социализма, эксперимента) страну, которую не жалко. Да, сволочь Бисмарк оказался провидцем.

«Страна, которую не жалко» – назвать повесть о Чернобыле. Как бюрократический механизм работает на закрытие правды, пока не закрыл народ, страну. Напуганный молчанием, глухой угрозой остальной мир, «противник» отреагировал столь же тупо – ударил по пустому месту и весь погиб от радиации, ядерной зимы.

Все подать через записи совчиновников: второй Чернобыль, быстро сворачивается перестройка, к власти дорывается кто-то типа Егора Кузьмича [Лигачева]³³ и пошло-поехало. Сначала героизм и неправда. Еще один Чернобыль. Тут уж паникеров стали истреблять по-сталински. И с присказкой: «Без ядерной энергии – не выжить!»

09.07.88

Взорвался 4-й блок, третий поврежден, вся страна корчится от боли и... энтузиазма. Соловьи поют над Припятью и т. п. и уже, закатив глаза, энтузиасты требуют, готовы строить, тут же, где не погашена старая опасность, угроза еще и 4-го и 5-го блоков.

И построили бы – в прежние времена. Как продолжали строить колхозы, хотя и голод, посылать хлеб за границу, хотя полстраны корчилось от голода, вымирал юг.

Расхождение слова и дела. Да нет, слова несли деловую, «полезную» нагрузку наркотика.

Все процессы – на «энтузиазме народном», который накачивался прессой Мехлиса³⁴: папанинцы и пр., вокруг чего психоз. И уже: убить, как собак, закопать падаль и пр. – о врачах, будто бы убивших Горького, Ленина, Куйбышева – на волне общего энтузиазма.

Форма государственного безумия, которое и сегодня все еще истолковывается, как аргумент против трезвого взгляда в прошлое.

Мне, например, пришлось встрять и в атомную энергетику, хотя в ней мало смысла. Но иногда нужна, просто, готовность сыграть роль бревна, тарана – прошибить стену молчания.

И вот полтора года назад – Минск, о срывании завесы тайны. Никто не напечатал. Теперь «Новый мир» [1988. № 9. «Честное слово, больше не взорвется...»]. Хотя и не просто еще. Тут административная система стоит прочно еще.

---

³³ Лигачев Егор Кузьмич – член Политбюро (1985–1990).

³⁴ Мехлис Лев Захарович – начальник Главного политуправления РККА (1937–1940).

1989

23.01.89

Ответственность за ложную (неполную) информацию ответств/енных/ лиц.

Перед населением за радиационную обстановку (Могилевская ситуация).

Права граждан на взыскания с ведомств за ущерб здоровью.

Ситуация все еще требует вмешательства и писателей прежде всего. Если не мы, то кто же?

Запрос депутата.

26[-го апреля] по призыву БНФ – митинг молчания. И в вашу честь. В честь молчания тех, кто обязан был говорить по долгу службы – об истин/ном/ полож/ении/ вещей.

Теперь заговорили пострадавшие. Для них гласность, к/о- тор/ая проникла и за выс/окий/ забор атом/ных/ ведомств, его секретов, оберн/улась/ страшным открытием: их предали.

Письмо...

Дальше о тех, кто повинен по мнению авторов письма в изначал/ьной/ неправде о полож/ении/ Бел/оруссии/ после 26 апр/еля/ 86 г.

Но вопросы к вам (я это знаю от кр/упных/ ученых).

1. Правда ли, что «могил/евское/ пятно» – результат посадки облака, к/отор/ое неслось на Москву? Да, стол/ицу/, 8 млн надо было спасать. Но надо было спасать и тех, кто потерей своего благопол/учия/ спас Москву. Мы же (вы же) предпочли делать вид (3 года!), что ничего такого не произошло. И людям можно жить (это при 40-то, 100 кюри на км, когда уже при 15 опасно!)

2. Как расценить сознат/ельную/ дезинфор/мацию/ людей, знавших это и не предпринявш/их/ тех шагов, к/отор/ые лишь сейчас предприним/ают/ – после янв/арского/ постановления/ Политбюро специально по этому вопросу? А заодно и ваш приказ, о к/отор/ом писали «Изв/естия/» – усилить...нет не помощь пострадавшим от «энергетики», а секретность о любых авариях?

3. Во всем мире именно отрасл/евое/ предприятие/ (по-нашему – ведомство) платит за ущерб, причинен/ный/ населению, людям. И помогает: вон какие чистые озера в Финл/яндии/ даже при налич/ии/ разв/ивающейся/ целлюлоз/ной/ промышл/енности/ (правда, хозяева платят из собств/енного/ кармана).

4. Не обязано ли именно ваше министер/ство/ добавить те недост/ающие/ млрд, без к/отор/ых «железы» и «узлы» детишек будут расти еще 2–3 года. Когда-то отселяли, но слишком стеснены средствами. А где мы возьмем? – спросите вы. Можно бы ответить, как там отвечают: где хотите, там и берите! Но в нашем случае можно дать и совет: не постройте 2–3 АЭС – вот и средства эти. И не надо будет закрывать их вскорости, чем вы, кажется, в основном-то и будете заняты в ближ/айшие/ годы. Так что закрывать можно и через нестроительство.

5. Во всяком случае могилев/чане/ ждут прямого ответа: готовы ли вы оплатить спасение жителей сотен насел/енных/ пунктов? Или у вас есть новые «аргументы» за то, чтобы их оставить на отравл/енных/ землях, чтобы через 2–3 года снова «извиниться»: ах, недоглядели!

Ну а что касается секретов, тайн, от к/отор/ых прямой ущерб людям, народу – это, видимо, требует закона. О служеб/ной/ дезинформ/ации/ (о финансах ли, что нас вон куда завело, об радиац/ионной/ обстан/овке/ и т. п.), как о служеб/ном/, а в иных случаях и госуд/арственном/ преступлении.

Не будут молчать ведомства (или лгать) – не нужны будут митинги молчания, к/отор/ые вопиют о преступл/ениях/ ведомств.

Так вот, **вопрос главный**: намерено ли министрство/ энерг/етики/ выплатить полную компенс/ацию/ могилевчанам и тем самым хотя бы с опозд/анием/ помочь спасти детей, жителей зараж/енных/ р/айон/ов или особ/енно/ бедствующей части р/айон/ов: Краснопол/ьского/, Славг/ородского/, Чериковского, Калинковичского, Быховского, Климовичского. Да и с соседними надо разобраться всерьез, в том числе и [с] Брянским районом. Чтобы опять не возвращ/аться/ к этому еще через 3 года.

30.05.89

Ныне становится модно гов/орить/ о разочаров/ании/ Г/орбачевым/. Если бы действ/ительно/ все разочаровались в нем, забыв, что он сделал против атом/ной/ угрозы и для перестройки, мы, бел/орусы/, были бы в послед/нем/ числе этих, разочаровавшихся/, во всяком случае те, кто зн/ает/, как пытался... как откликнулся этот чел/овек/ на траг/едию/ Бел/оруссии/ в Чернобыле/ 1986 г. на письмо: 3 июня, 4 [июня] – уже на ПБ [Политбюро], 6 [июня] – 60 человек [комиссия в Минск].

Др. дело, что [это] нам не помогло в той степени, как могло помочь. Эту комис/сию/ встретила друж/ная/ семья чинов- оптимистов и заверила, что всего 3 р/айо/на [пострадало], а не 1/5 респ/ублики/.

Что же произошло. А вот что!

Казалось бы, откликн/улась/ Москва, бери полными горстями – деньги, приборы и пр.

– Не надо! У нас все хорошо, почти! Мы сами! Белорусская/ скромность и выдержка? Ссылаются. Нет, чинов/ничья/, а не национальная черта.

И всюду страдают дети. Эти белорусы приезжали с тем же:

– Мы, ладно, но дети!

Представляете: 3 года прошло. И вдруг мать узнает: нельзя было... жить.

Три года служилые люди от Щер/бины/ и Израэля³⁵ до вице/през/идента/ Ильина³⁶ гов/орили/ неправду – это на союз- /ном/ уровне.

Но что с них, какой спрос, если и свои на месте...

Да, напечатали карту: почти 1/3 респ/ублики/ засыпана, а в том же Чечерском [районе] и еще 5 [районов] Мог/илевской/ обл. – от 40 до 140 кюри. Жить нельзя. А 3 года жили.

Как же так получилось?

Вы, Н/иколай/ И/ванович/ [Рыжков]³⁷ и не догадываетесь, какую рок/овую/ роль сыграла одна ваша похвала бел/орусских/ руководителей. Так уж, пожал/уйста/, так больше не делайте. Опасно похвалить бюрокр/ата/. Он лоб расшибет. Нет, не свой, чужие лбы.

– Вот, учитесь у бел/орусов/!

Вот тут они совершенно ослепли. Их и понесло, наше начальство.

Это все паникеры-писат/ели/. Ну, 3 района, а остал/ьные/ чисто!

Как же, нас похвалили, еще, чего доброго, отнимут благосклон/ность/ начал/ьства/.

Время отняло благосклон/ность/ – народа.

А в народе легенда: кто-то вызвал тов. Сл/юнькова/ в суд. Не суда, ответа хотят: так кто же поступил с ними так? Народ обычно одного избирает: любить ли, обвинять ли.

Чего ради я это все?

Чтобы и вы, тов. Р/ыжков/, хоть бы за ту роковую фразу-похвалу, и вы, чл/ены/ Политбюро, тов. Слюньков все-таки помнили, что за вами должок перед могилев/скими/, гомел/

---

³⁵ Израэль Юрии Антонович – председатель Госкомгидромета СССР.

³⁶ Ильин Леонид Андреевич – директор Института биофизики Минздрава СССР, вице-президент Академии медицинских наук СССР.

³⁷ Рыжков Николай Иванович – Председатель Совета Министров СССР (1985–1991), Председатель Комиссии по Чернобылю.

ьскими/ детьми. Их надо выселять, надо лечить. Ваше слово, усилие много стоят. Так не жалеете этого. К вам тут, с вас спрос особый.

И тут вопрос: а где взять деньги? Я уже советовал через «Ком/сомольскую/ пр/авду/». Атом/ное/ ведомство постепенно превращ/ается/ в организацию по демонтажу АЭС, не построят 1–2 ст/анции/, меньше закрывать придется...

У меня есть к будущему возможному председ/ателю/ Сов/ета/ Мин/истров/, к Рыжкову обращение.

Гости из Чериковского р/айо/на добивались встречи с Рыжк/овым/.

Немного в прошлое. В нач/але/ июня 86 г. в черные дни Чернобыля, собрав данные, к/отор/ые возможно было собрать, а еще больше зарядившись тревогой белорусов, я собрался ехать в Москву, к Горбачеву. Посчитал нужным об этом предупредить мин/ское/ руководство, поскольку собранные мною данные разительно не совпадали с той информацией, к/отор/ую в Москву подала Белоруссия: дескать, у нас три района и мы справимся сами. А на самом деле, теперь известно – 1/5 республики!

Меня принял Н. Н. Слюньков и была беседа – 6,5 часа.

Один лишь фрагмент. Тов. Слюньков сказал: были мы у тов. Рыжкова, там докладывали украинцы, полтора часа жаловались и просили помощи. А наш Ковалев – пред/седатель/ Сов/ета/ Мин/истров/ БССР – за 10 минут отчитался. И тогда сказали: «Вот, учитесь, украинцы, у белорусов!»

Я не идеализирую задним числом тов. Щербицкого³⁸ и тогдашнего председателя Совмина Укр/аины/ Ляшко – украинцам самим виднее, кто чего стоит.

Но белорусы до сегодн/яшнего/ дня проклинаят и еще долго будут проклипать свою нац/иональную/ черту – скромность и нетребовательность, столь грубо и корыстно истолкованную на том совещании. В результате: лишь 3 года спустя на Бел/оруссии/ стали делать то и, наконец, в тех масштабах, **в каких надо было в 1986 г.**

Сотни тысяч людей, тысячи детей жили в местностях три года, где и трех м/есяц/ев слишком много.

Ваша вина в этом, Н.И. [Рыжков], тоже есть. Слишком соблазнительно было поверить заведомо заниженной информации, к/отор/ую привезли вам белорусы, а потом вынужденно подтверждали ее три года и вы поддались этому соблазну, экономя ресурсы.

Если мы вас изберем, белорусы от вас потребуют – искупить вину и вашу, возмещать ущерб. Конечно, материальный, чтобы переселить людей, наконец, хотя бы три года спустя. Здоровья детям не вернешь, хотя и тут можно кое-что поправить. Например, спец/иальная/ программа санат/орного/ лечения именно для детей из этих районов.

Вот этот наказ я вам и передаю, оставленный мне делегацией Чериков/ского/ р/айо/на, касающийся почти одной трети Белоруссии (хотя мы остороженько гов/орим/ теперь об 1/5). Вот такие три района! Ничего так дорого не обходится народу, как неправда, неправ/дивая/ информация госуд/арственных/ лиц.

В заключ/ение/ мое предложение: искажение (сознательное/) информации снизу вверх, как и сверху вниз, причиняющая ущерб экон/омике/, здор/овью/ людей и пр. – служеб/ное/, а хуже и гос/ударственное/ преступ/ление/. Нужен такой закон, нужен.

10 минут ковалевско-слюньк/овских/ дорого обошлись белорусскому/ народу!

У меня нет оснований для отвода кандид/атуры/ Рыжкова, когда здесь не предложена кандидатура более убедит/ельная/. Да, кажется, ему свойств/енна/ излишняя доверчивость к чиновным лицам. Но в бездумии или обмане обвинять нет основ/ания/ – самом большом

---

³⁸ Щербицкий Владимир Васильевич – первый секретарь ЦК КП Украины (1972–1989).

грехе должн/остного/ лица. Зато именно по этим данным я считаю, что не имеет права решать судьбы народа через атом/ную/ энергетику зам. пред/седателя/ С/овета/ М/инистров/ тов. Щербина. Также, как Мораховский, к/отор/ый, напр., так и не прислушался к требов/анию/ снять поставки с заражен/ных/ местностей, чем не только губил здоровье работающих в пыли радиоактивной тракторист/ов/ и комб/айнеров/, но и забрасывал дальние районы страны зараж/енной/ продукц/ией/.

И верх чинов/ничьего/ равнодушия к судьбам людей этих проявил т. Израэль, тем более непростит/ельно/, потому что он специалист по этим делам и все творил (лгал) с откр/ытыми/ глазами.

[Письмо из] д. Самотевичи

«Зачем Слюньков скрыл радиацию в начале аварии? Он думал, что все будет шито-крыто. Скрыл все и сам скрылся с Белоруссии³⁹. Хотел погубить нас, белорусов (конечно, это неправда, что кто-то «хотел». – А. А.) тружеников, которые на своих плечах вынесли все тяготы войны, вырастили воинов-интернационалистов, многие из к/отор/ых погибли, а тысячи остались инвалидами с 20 лет. Почему с нашей бедой не считаются? Все врут, утешают, что не опасно.

Кто так считает, что не опасно, пусть приезжают в нашу зону и живут».

Экологич/еская/ катастрофа, а теперь – психическая катастрофа. Для тысяч матерей.

Приезжали в Бел/оруссию/ Щербина, Израэль, Ильин: 1/5 [территории республики заражена] – жить можно и строить атомные станции.

Это глав/ные/ виновники траг/едии/ Бел/оруссии/...

В Бел/оруссии/ млрд [рублей потрачены] на то, чтобы жить, где жить нельзя.

Москва, произнесенная речь об Израэле на сессии Вер- х/овного/ Совета (конец июня 89 г.)

Конечно, можно сказать: виноваты медики, не делающие, что следует, те, кто должен завезти чистые продукты, а не завозят, виноват ЦК республики, скромно молчащий о том, что 1/3 респ/ублики/ загрязнена.

Но все они, перечисленные ведомства, имели возможн/ость/ не делать то, что обязаны были делать, оттого, что сущест/вует/ гидрометеоролог/ическое/ ведомство во главе с Израэлем, к/оторое/ скажет: все в порядке, а делать ничего и не надо.

Отраслевой регистр лиц, подвергшийся в Ч/ернобыле/ радиации – на 30 тыс/яч/, только 22,8 % имеют какие-то неполные данные о том, сколько бэр схватили. И ни одно ведомство не передает данные др. ведомствам, чел/овек/ уходит на др. работу без дальнейшего слежения.

Приказ Минздрава № 640 ДСП (для служеб/ного/ пользования). 4 регистра (Бел/оруссия/, Укр/аина/, Россия).

Или белорусы, укр/аинцы/, Брянщина прочтут, что председателем Гидрометеослужбы, то есть контроля за экологической/ обстановкой снова избран Израэль Юрий Антонович.

А он у нашего незлобного народа где-то в первой пятерке сгубителей тех, кто три года людей – это сотни деревень, а по сути 1/3 республики, держал в неведении, а теперь напечатал карту и люди ахнули: так что же вы молчали? Оказывается, нельзя было собирать грибы у нас, а мы собирали! Оказывается, у нас-то и жить-то нельзя, что ж вы нас обманывали?..

Можно сказать, а что Израэль, он не мог говорить правду, такую роль ему навязывали?

---

³⁹ Слюньков Н. Н. переехал в Москву в 1987 году, став членом Политбюро КПСС.

Хотелось бы так думать, и я тоже допускал, пока не увидел, как он вместе со Щербиной пытались публично (транслир/овало/ ЦТ) обмануть руководителя страны.

Грубо говоря, втереть очки и руководству. Мол, теперь и в Черн/обыле/, и везде все нормально, лучше, чем было «на порядок или два» и можно строить Черн/обыли/ дальше, как строили, лишь помогите унять общественность, приструнить!

Но они-то знали, что никакая техкосметика не устранила угрозу еще по кр/айней/ мере 14 Ч/ернобыл/ей: столько графитовых реакторов.

Все знали, а лгали откровенно.

Как лгали работникам, спасающим нас всех в рухнувшем Ч/ернобы/ле, давая данные, что там ноль целых, ноль, ноль, ноль, а не те десятки, сотни рентген, к/отор/ые были на самом деле.

Как три года «служба Израэля» в центре и на местах обманывала белорусов и украинцев, рус/ских/ на Брянщине, а теперь тысячи матерей проклинают всех, кого только можно (не хочу вам письма зачитывать, а мог бы); да что же вы с нами сделали? Да мы бы и без вас давно вывезли наших детей отсюда! Три года нас обманывали, а теперь говорите: увозите!

Можно и так сказать: виноваты прежде всего медики, к/о- тор/ые нарушали клятву Гиппократ/ата/, те виноваты, кто так и не сделал дозиметры, те, кто так и не дали обещан/ных/ тракторов и комбайнов с герметич/ескими/ кабинами, те, кто заставлял пахать-сеять на землях, на к/отор/ых 140 кюри!

Да, и они, но все они могли делать или не делать все это во вред народу только потому, что служба Израэля их прикрывала своими фальшивыми, лживыми цифрами.

Какая уж тут защита экологии! Только ведомства и их интересы.

Сегодня тов. Израэль печат/ает/ карты. Да только однажды солгавши, кто тебе поверит! А если ложь, дезинформация была просто методом работы, формой существ/ования/.

Даже в правдивые цифры «службы Изр/аэля/» уже не верит никто, и никто не поверит.

Я не удивлюсь, что вопреки всему этому тов. Израэль утвердится вновь на этом посту. Кто в конце концов у нас отвечал всерьез за дезинформ/ацию/. И еще убежден почему. Я знаю, какие сильные люди в составе эколог/ической/ комиссии: Яблоков⁴⁰ и др. Но Израэль все-таки убедил комиссию, что отныне будет говорить правду, только правду и ничего кроме правды.

Меня лишь одно смутило: оказывается, нам это прямо заявлено было, председ/ателем/ эколог/ической/ комиссии тов. Слюнькова на этот пост рекомендов/овал/ именно он, тов. Израэль. Вот такое бюрократическое взаимопонимание.

Сергеев, зам. Чазова⁴¹ на Презид/иуме/ АН СССР го- в/орил/, что японцы⁴² и итальянцы предлагают свою программу помощи людям в Бел/оруссии/ и Укр/аине/.

Мы отказываемся? Отчего? Невольно думается, а не для того ли, чтобы не открылась вся картина, так старат/ельно/ искаж/енная/ службой Израэля.

1. Когда получили эти данные? Почему так поздно сообщили людям? Сами или чья-то высшая вина?

2. Некорректно для такого собрания, но хочу спросить: мучит ли вас совесть? Ведь вы, медики, власти поступили с людьми, м/ожно/ ск/азать/, бесчеловечно. 3 года!..

Ковалев выгнал Нестеренко, когда тот пришел с новостью о Чернобыле.

Вот так гнали правду все три года за порог.

---

⁴⁰ Яблоков Алексей Владимирович – профессор, член-корреспондент АН СССР. В настоящее время – член Европейской комиссии по радиационному риску, руководитель Центра экологической политики России.

⁴¹ Чазов Евгений Иванович – кардиолог, академик АН и АМН СССР, министр здравоохранения СССР (1987–1990).

⁴² Японские ученые предлагали создать Международный научно-медицинский центр в Гомеле.

Кто в этом повинен? Удивляло, когда каратель гов/орил/: я и мать свою в могилу столкнул бы.

После Черн/обыля/ не удивляюсь: нормальные бюрократы 3 года сталкивали бел/орусскую/ родную землю в пропасть.

Сейчас команда, и они готовы вытаскивать. Да только не верит им народ.

12–16 сент. 1989 г.

Для Вертинского⁴³

Вот письмо [А. Адамовича М. С. Горбачеву от 01.06.1986], за которое Нестеренко выперли из Института ядерного, Борисевича из Акад/емии/, Кузьмина из ЦК, ну и автора – из Минска.

Хотя оно было принято Горбачевым, он тут же послал в Бел/арусь/ комиссию – 60 человек. Но, возможно, именно поэтому. Ибо наши докладывали: 3 района только, а остальное – фантазии писателя, который обманом взял непроверенную информ/ацию/ от ученых (тех, кого выперли).

Отдать людям Могилевщины все цеков/ские/ и обкомов/ские/ лечебницы, дома отд/ыха/ и санатории.

[«Чернобыльский шлях» 30.09]

Раз тут эти люди, сегодн/яшний/ митинг – о нашей вине перед ними. Вине науки (АН), медицины, нашей с вами, кто не все сделал сам и не заставил других делать по-человечески. Врач, что за гробом идет...

И тех, кто вот взял и отправил минчан как можно дальше – дня этого, видите, не хватило им на с/х труд. Им всегда не хватало дня: в 1941 г. – чтобы объявить армии, что война, в 86 г. – объявить народу, что Чернобыль, три года, чтобы сказ/ать/ правду, да и 70 лет не хватило, чтобы хоть мыло было в стране.

Нет, **измениться эти люди не могут, а вот заменить** их можно. И народ Бел/аруси/ должен это сделать, если хочет, чтобы Черн/обыль/ не съел его – требовать нового, демокр/атического/ закона о выборах и избрать, а точнее не избрать тех, кто потерял доверие. Все (все!) у кого не хватило совести, чтобы не лгать, не участвовать в этом чернобыл/ьском/ преступлении, должны отойти в сторону. Только такие, как секр/етарь/ Славгородс/кого/ райкома (бывший) имеют право и могут рассчитывать на доверие, так как были и такие, есть и такие. Но только не холодные души, губители живых душ.

Особая вина наша перед детьми – вот кому должно быть отдано 4-е Санупр/авление/ полностью.

И еще. Не аппаратные ученые и медики, вроде Ильина, а обществе/нность/ и наука белорусская должна прямо выйти на уч/еных/ и науку Запада, которые могут нам помочь. Беларусь сегодня – одна из самых болезненных точек планеты, человечество должно это увидеть. А нам надо это показать. Так что наше обращение не к правительству только – если у них не хватило ни ума, ни совести прийти сюда, вместе с нами всеми признать свою вину перед ними вот – ведь виноваты и Адам/ович/ и Позняк⁴⁴, и вы все, но и Соколов⁴⁵, и Ковалев, не говоря уже о Слюнькове или Барташевиче.

---

⁴³ Вертинский Анатолий Ильич – белорусский поэт, журналист, главный редактор газеты «Лтаратура і мастацтва» (1986–1990).

⁴⁴ Позняк Зенон Станиславович – археолог, искусствовед, белорусский политический деятель.

⁴⁵ Соколов Ефрем Евсеевич – первый секретарь ЦК КПБ (1987–1990).

Ну, что же, мы не одни: есть наш народ, есть народы-братья, есть человечество – вон как это подтвердилось в дни армян/ской/ трагедии⁴⁶ – так, что не будем отчаиваться, а будем работать, делать все, чтобы спасти Беларусь.

25–26 ноября

Чем больше нагадаешь нар/оду/, тем выше подним/ешься/ по лестнице власти: из Гомеля в Минск, из Минска в Москву и т. д.

Отметить заслуги Нестер/енки/, Борис/евича/, Кузьм/ина/. А может, нельзя было вести себя по-другому тем, кто на службе.

Не использовали возможность, которую укр/аинцы/ все-таки не упустили.

Громыко⁴⁷: кто знает о том, как сажали зараж/енное / облако? Сахаров и Велихов (с оговор/кой/) что да. Щербина и Израиль – нет. Вы?

Приезжают на минуты, а дают нам советы на всю жизнь. (В р/айо/нах послечернобыльских.)

Собаки в Чернобыльской зоне. Очередь к человеку, чтобы подойти и «хвостиком вильнуть». Им страшно тут без человека. Ни хлеба, ни мяса не просили, а ласки.

Истории угодно было распоряд/иться/, что не жалко было нашей страны. И мы зашли туда, куда чел/овечество/ идти и заходить не должно.

Наш опыт бесценен в этом смысле.

Так же, как опыт Бел/оруссии/, Укр/аины/ бесценен в смысле черноб/ыльских/ последствий.

Только хочется спрашивать: но почему нас избрала ист/ория/? Или почему мы ее избрали, столь кровавую и тяж/елую/ историю?

Клятва Гиппократу и клятва Аппарату – это две медицины!

29.11.89

Ко II съезду В/ерховного/ С/вета/

В заключ/ение/ о Черн/обыле/. Бел/орусский/ народ привык первый встречать общую беду. Просит последний. Сегодня с опозд/анием/ в 3,5 года просит.

И через депутатов, и делегациями пострадавших, и письмами Горб/аче/ву, и, наконец, готов принять программу ЦК КПБ о Ч/ернобыл/е, тем более, что она – плод давления народа на аппарат.

Так услышьте и не посч/итайте/, что чрезмерны его просьбы: около 3000 деревень и около 30 городов живут, как после Хиросимы.

Неспециалисту слово.

С завистью и уважением слушаю украинцев.

Почему не брали помощь. Назвать имена: есть возможность искупить.

В чьих руках правда: в руках тех, кто уличен в большой лжи.

Создавать комитет по черноб/ыльской/ беде и убрать из рук Израэля и Ильина.

Бел/орусские/ ученые, их концепция.

---

⁴⁶ Землетрясение в Армении в 1988 году.

⁴⁷ Громыко Андрей Андреевич – белорус, Председатель Президиума ВС СССР (1985–1987), член Политбюро ЦК КПСС.

Упрекаю Слюн/ькова/, Ков/алева/, Рыжкова? Да, но им надо искупать вину Изр/аэля/ и Ильина тоже? Нет, им надо уйти от судеб бел/орусского/, укр/аинского/, рус/ского/ народа, не поверят им. Особ/енно/ Ильину.

Экспертиза... Сегодня говорят, что ученые виноваты. А они [говорят] – [мы] ни при чем. Придется ответить. И тем и другим.

Самостоятельно решать вопросы переселения.

Дети. Выселение немедленно. Армянский опыт. Заграница. Как и куда средства?

Российцы еще хуже, чем мы!

Мало привлечены международные науки.

Деактивация! Заражено в БССР 1 млн 700 га земли.

300 тыс/яч/ /тонн/ мяса, 1 млн молока [из Белоруссии] – в Союз.

Горячие частицы. Минская, Гродненская и другие – печное отопление.

От 5 до 11 кюри в печах, мясо, хлеб.

Из неск/ольких/ десятков (др. ученые считают – сотен) хиросимских бомб (по радиоакт/ивным/ выбросам) 4/5 из них упали на Белоруссию.

Грушевой Геннадий Владимирович.⁴⁸

Комитет «Дети Чернобыля» при БНФ.

Античеловеч/еский/ механизм экономики. На лжи основана, но и на преступл/ении/. Во имя цифр.

Вот свежий пример.

Уже открылось то, что... – огром/ная/ угроза жителям тех р/айон/ов и размазывание радиации по стране.

Но работает нажим сверху и:

Хойникский район: один из 3 самых-самых [загрязненных] даже официально.

Лишился 6 хозяйств.

План по молоку на 1985 г. был 32 т/ысячи/ 500 т/онн/.

В 1989 г. – 36 тыс/ячи/ тонн.

По мясу: было 7,5 тыс/ячи/ тонн.

Стало 7,870 тыс/ячи/ тонн.

В с/овхо/зе «Судаково» директор Садченко Ник. Иван. (на самой границе «зоны») добивался списать 500 га самой грязи, а ему добавили 124 га песка (особ/енно/ опасный) и план подняли: по молоку – в 1,5 раза, с 3000 до 4260 тонн, а мяса: с 350 тонн до 525.

2 деревни (Ломачи и Тульговичи) 5,4 кюри на кв. км по плутонию при норме 0,1.

И вот умирают от ишемии, вскрывают и 15 тыс/яч/ «горячих частиц» в легких (при 2000 – гарантия рака) – по данным Евг. Петр. Петряева (проф/ессора/ БГУ) – легкие светятся.

Еще Слюньков обещал герметич/ные/ кабины. Нет как не было.

Кстати, в Наровле рост ишемич/еских/ болезней у механизаторов до 40 лет (обследов/али/ 600 чел/овек/) – в 2,5 раза подскочил.

1990

15.01.90

---

⁴⁸ Грушевой Г. В. – философ, основатель и президент благотворительного фонда «Дзецям Чернобыля» с 1989 г.

Уйти должны те, кто лгали 3,5 года.

Нужна спец/иализация/, вневедомств/енный/ комитет (белорусский/ нац/иональный/) по защите населения.

Все контролировать: вывоз домов и глины, песка, леса и пр. Продукты особенно.

Создание центра по пересадке кост/ного/ мозга (особ/енно/ у детей).

В Москве есть спец/иалисты/, нет аппаратуры.

Создать в Бел/оруссии/ свой, с обучением специалистов, нужны 10–12 млн инвалют/ных/ рублей.

Первой жертвой воен/ного/ атома стала Япония. Она смогла оправиться. Не была, к счастью, глобал/ьная/ ядер/ная/ война.

Первой жертвой мир/ного/ атома стала др. нация – белорусы. Да и Укр/аина/, да и рус/ские/ области, но из 30 хирос/имских/ бомб (по радиации) 23–25 упали на Белоруссию.

Вопрос стоит о жизни или смерти нации, народа – не меньше. 1/4 пахотных земель, 2,5 млн чел/овек/, 100 000 немедл/енно/ отсел/ить/ (свыше 15 кюри) и т. д.

Израиль – дети! Начало. Я видел детей **после**⁴⁹... Это ожившие дети. А каково им было как бы обреченным на заклятие. В вашей руке тоже отвести от них уже занесенный нож жертвенный!

24.01.90

Рак и Чернобыль

Ядер/ная/ техн/ика/ – угроза не только для ныне живущих, но и буд/ущих/ поколений.

Эгоизм воен/но/-пром/ышленного/ комплекса, у нас – наследие Берии.

...Сказать все, от этого зависит дальнейшая политика в области энергетики.

Безопасность зависит:

1. Открытости, размеры риска.

2. Ответственность... ведомств/енная/ и госуд/арственная/ перед населением. А не: наука требует жертв! Минский трибунал.

3. Система гарантий. Уголов/ная/ ответ/ственность/ за сокрытие инфор/мации/ и не оказ/ание/ мед/ицинской/ помощи. (**Ликвидаторы. Героизм афганцев раздувают, а этих глушат.** Ведь это полмиллиона, и надо платить.)

4. Тайна захоронений отходов.

Вывод из эксплуатации реактора РБМК – Чернобыльский (14). МАГАТЭ лжет и о них!

Принятие ООН кодекса ядер/ной/ безопасности и системы междунар/одного/ контроля под эгидой ООН.

МАГАТЭ? Лоббисты. И ВОЗ – тоже. Нужно – ООН.

Сегодня опасность не столько военная, сколько технологическая. Правительства сами не могут. Нужна обществ/енность/ международная. Союз «Чернобыль» объединит около 100 тыс/яч/ ликвидаторов. Не допустить повторения, связь между учеными, врачами, журналистами, оказываем мед/ицинскую/ и соц/иальную/ помощь.

Ожидание лейкемии, а нет оборуд/ования/ для трансплантации кост/ного/ мозга.

Развитие энергетики в новое время всегда сопровождалось столкновением эгоистич/еских/ интересов, а зн/ачит/, и ложью.

---

⁴⁹ Речь идет о поездках детей за границу.

В «М/осковских/ н/овостях/» – [материал] «Большая ложь»⁵⁰. Это об атом/ной/ энергетике, о Чернобыле. Математически ее можно выразить, напр/имер, такой цифрой: 8 млрд /руб./ и 210 млрд /руб./ соотношением.

8 – то, что атом/ное/ ведомство признает ущерб.

210 – исслед/ование/ [Ю.И.] Корякина [«Оценка экономических потерь, вызванных Чернобыльской катастрофой»], спец/иалиста/ по атом/ной/ энергии, сторон/ника/ развития атом/ной/ энерг/етики/.

Огром/ный/ ущерб не замечает и Запад.

Приезжал Пеллерин, Бенинсон, Уайт.⁵¹ Отчего? Интересы междунар/одных/ картелей и наших ведомств совпали.

Особенно большая ложь и траг/едия/ Бел/оруссии/. 27 городов, 2697 деревень. Из 300 [хиросимских условных бомб] – 250 сюда. Вот карта поражения. А с самого начала – вот эти 3 района. Более 2,5 млн чел/овек/ тут живет.

100 000 – немедленно переселить. 350 тысяч – тоже. Остальные?

Малые дозы... Начинается лейкемия.

У нас нет инст/рументов/ пересадки кост/ного/ мозга, а уже тысячи детей.

Нужна аппаратура... и обучение врачей.

Встреча с Перес-де-Куэльярром,⁵² кодекс повед/ения/ правит/ельства/ в отнош/ении/ экологии.

Тут есть американцы, зап/адные/ немцы, японцы – дозиметры... нужно совместное про-изводство.

Захоронение – совместно, а не тайные сговоры с нашими беспринц/ипными/ ведомствами.

В интересах всех закрытие 14 РБМК.

Что я уяснил за это время: как ни сильна стенка бюрократ/ическо/-приказ/ной/ системы, переплетенная решетка ведомств, мы не бессильны, человек даже один не бессилен.

Я убедился в этом по борьбе с атом/ным/ ведомством, к/отор/ое в союзе с медициной, агропромом (а где-то маячат и более мощные, и засекреченные).

И все-таки стена секретности прорвана – это в Белоруссии/ заметно особенно. А ведь год назад не верилось.

АЭС – детище гонки ядер/ного/ вооруж/ения/. И на них – проклятие.

Да, это большое достижение – организация такого [энергетического] клуба. Но не секрет, что разные обществ/енные/ группы и структуры в нашей стране по-разному хотели бы видеть и работу клуба, и результат этой работы.

Мое слово – прежде всего обращено к зарубежным гостям.

Вы, конечно, знаете, что, хотя их не наз/ывают/ «зелеными», но у нас существует мощное обществ/енное/ движение, вступившее в открытую войну с ведомствами, прежде всего мелиораторами и атомщиками.

И вы знаете, что да, у нас мощный отряд ученых, достаточно независимых от интересов ведомств, они и здесь присутствуют.

Но все равно вы должны представлять мощь ведомственного давления на нашу науку, ученых.

---

⁵⁰ См. с. 157.

⁵¹ Представители МАГАТЭ.

⁵² Перес-де-Куэльяр Хавьер – генеральный секретарь ООН (1982–1990).

Да что ученые: мы были свидетелями на днях, как пытались самого Горбачева завербовать на свою сторону в борьбе с общественностью, до неприличия наседали. Но этого мужика на мякине не проведешь.

Но вы-то причем? Дело в том, что наши ведомства посильнее ваших военно-промышленных комплексов. Там у вас ему противостоят конкурирующие отрасли, у нас они – монополия общегосударственная. И превозмочь их – нужны усилия Геркулесовы.

Почему нас тревожит, а не подчинят ли ведомства в своей разрушительной/ практике и авторитет нашего клуба?

Есть пример: МАГАТЭ! Такое чувство, что им выступления/ пишут Щербина или Израэль.

Вот экспертиза по Крым/ской/ станции. Да, вгрохали миллиарды, надо оправдать, хотя никаким здравым смыслом/ не оправд/ать/ строит/ельство/ АЭС в Ницце или в Каннах.

И вот опасение: а не используют ли авторитет зарубеж/ной/ науки наши ведомства. Хотелось бы, чтобы вы слушали голос наших «зеленых».

Не ослабляйте напора!..

Охмурение? Нет, были четко разделены две проблемы: как не дать повториться Ч/ернобы/лю на уже действующих АЭС. То есть мирно избавиться от очень немир/ного/ атома.

И как дальше строить уже совершенно новые поколения безопасных АЭС.

Было просто неприлично, как добивались индульг/енции/ безопасности на ныне действующие АЭС – не народ защитить от Черн/обыля/, а Ч/ернобыль/ от общественности.

09.03.90

Испания. Мадрид – Севилья

В связи с этим – о детях Чернобыля. Испанские дети жили, выросли у нас – это была и их трагедия, мы знаем. Не об этом речь. Дети уже приглашены в Индию, Израиль, США. Мы были бы благодарны, если бы и испанцы пригласили детей бел/орусских/ укр/аинских/, рус/ских/... Ведь их состояние ужасно. Не только физич/еское/, но и псих/ическое/.

Старики, бабки ушли в 30-км зону, а не от сов/етской/ власти? Она разбежалась, все ее звенья.

От Чернобыля погибнет каждый пятый!

Митинг в Бел/оруссии/: к ответу Сл/юнькова/, Тар/азевича/⁵³

---

⁵³ Таразевич Георгий Станиславович – Председатель Президиума ВС БССР (1985–1989).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.